Кр
3кп1
П37
1655033

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. СОБЫТИЯ

В. ПЛАСТИНИН

КОММУНИСТ КЕДРОВ

ВРЕМЯ,
ЛЮДИ,
СОБЫТИЯ

В. ПЛАСТИНИН

КОММУНИСТ КЕДРОВ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

«Советские люди выражают чувства глубокого уважения и благодарности борцам за победу революции, за победу социализма. Для нашего народа всегда будет священна память большевиков-ленинцев, героев социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн... Их подвиг неизменно служит великому делу революционного преобразования мира».

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Одному из них — Михаилу Кедрову — посвящается.

У каждого человека есть в жизни незабываемый, особенный день. Для большевика Михаила Кедрова таким памятным был день, когда он впервые ощутил тепло и сердечность ленинского рукопожатия.

Произошло это летом 1913 года в швейцарском городе Берне, на концерте. Устроителем концерта была касса взаимопомощи русского студенчества, составлявшего довольно значительную группу. Михаил Кедров нередко выступал в концертах, сбор от которых передавался на оказание помощи русским политэмигрантам.

...Закончив играть бетховенскую увертюру «Кориолан», Кедров покинул сцену и направился в фойе. Он весь находился еще во власти музыки, когда услышал, как кто-то тихо назвал его имя. Оглянулся... Увидел — подходят двое: улыбающийся Григорий Шкловский, товарищ по бернской большевистской группе, и второй — крепко сложенный, с большим открытым лбом и пытливым взглядом. Узнал... скорее понял, услышав знакомый голос Шкловского:

— Знакомьтесь, Владимир Ильич, это Кедров, которого вы знали только заочно. Наш издатель, узник и... музыкант.

— А хорошо вы играете. Я и не предполагал в

вас таких талантов,— сказал Ленин, приветливо улыбаясь.

— Здравствуйте, Владимир Ильич!— вырвалось почти скороговоркой у Кедрова, ошеломленного столь неожиданной встречей.— Играю понемногу. Люблю музыку.

Они зашли в буфет. Сели втроем за небольшой столик. Владимир Ильич, как и обычно, при встрече с новым товарищем говорил мало, задавал вопросы и очень внимательно слушал. Ильича интересовало многое. Когда Кедров закончил свой рассказ о деятельности издательства[1], Владимир Ильич спросил:

— Скажите, Михаил Сергеевич, что же все-таки способствовало провалу «Зерна»?

— Разгром издательства произошел не без участия провокатора, — ответил Кедров, — им оказался некий Михаил Львович Шнеерсон. Он когда-то работал наборщиком в заграничной «Искре», а затем, приехав в Петербург, устроился на должность управляющего в типографию Безобразова, которая печатала нам «За 12 лет»[2].

— А рукопись моя аграрная?— Ильича волновала судьба его рукописи «Аграрная программа русской социал-демократии».

— Рукопись, Владимир Ильич, я держал в своих руках на допросе у следователя. Больше я ее не видел, но слышал, что в 1908 году она была уничтожена специальным определением С.-Петербургской судебной палаты,— с огорчением сообщил Кедров.

— Не огорчайтесь, Михаил Сергеевич, — засмеял-

---

[1] Имеется в виду издательство «Зерно» в Петербурге, руководителем которого был Кедров.

[2] Под названием «За 12 лет» начало издаваться собрание сочинений В. И. Ленина в трех томах.

ся Ленин,— это дело поправимое. К счастью, у нас сохранился черновик рукописи.

...Взволнованный этой встречей, Кедров долго бродил по улицам Берна. Вспоминал товарищей, оставшихся в подполье, там, в родной России...

Мне, автору этих строк, в 1919 году было всего 10 лет. Тогда я впервые увидел М. С. Кедрова.

...Защитного цвета армейская фуражка с твердым козырьком, простая гимнастерка, галифе, высокие сапоги. На широком ремне — мягкая зеленоватая кобура с браунингом. Смуглое, суровое, красивое лицо. Темные, живые, внимательные глаза. Таким он вошел в мою мальчишескую жизнь, став моим отцом и воспитателем, вошел как человек, с которого я во всем брал пример. На протяжении почти 20 лет мы жили дружной семьей. В детстве, в юности мне посчастливилось быть невольным очевидцем многих событий, связанных с его военной, партийной и государственной деятельностью.

...Семья известного московского нотариуса Сергея Кедрова имела собственный дом на 1-й Мещанской улице. Жили безбедно. Однако порядки в доме были строгие. Без дела никто не сидел. Мать немало времени уделяла воспитанию детей. Она любила музыку и сама обучала сына Михаила игре на рояле. Заниматься приходилось ежедневно и помногу.

Обстановка, царившая в доме Кедровых, устои и взгляды, типичные для буржуазной семьи того времени, тяготили юного гимназиста. В семье он не мог найти ответа на многие вопросы — об устройстве жизни, о социальном неравенстве. Этот медленно, но неуклонно нараставший внутренний протест закончился уходом Михаила из семьи. Последний класс гимназии он заканчивает уже не в Москве, а в Феодосии.

М. С. Кедров, 1897 год.

Проходит лето, и Михаил Кедров становится студентом юридического факультета Московского университета. В это время впервые 19-летний юноша (он родился в 1878 году) знакомится с марксистской литературой. Изучение работ Маркса помогло Михаилу определить цель его жизни — молодой студент решительно и твердо встает на путь борьбы за освобождение трудящихся, против капитала, против самодержавия.

Много лет спустя, в 1924 году, оформляя анкету и автобиографию при вступлении в общество старых большевиков, Михаил Кедров сделал записи. Они рассказывают о том, как формировалось революционное мировоззрение молодого студента, выходца из богатой дворянской семьи.

Вот что писал М. С. Кедров в автобиографии:

«Увольнение из Московского университета за участие в студенческом движении (1899 г.).

Участие в 1-м с.-д. кружке в Ярославле. Руководитель кружка А. П. Доливо-Добровольский (1900 г.).

Один из организаторов студенческого исполнительного комитета, проведшего в марте (?) 1901 г. забастовку в Демид. Юрид. лицее. Арестован в здании лицея (1900—1901 гг.). Исключен на 3 года (вскоре был восстановлен).

Один из руководителей студенч. движения в Ярославле. Член Ярославской организации РСДРП... В феврале арестован за проведение студ. забастовки в лицее... Исключен из лицея. Освобожден после 5-дневной голодовки. Выбыл в Симферополь, где принимал участие в работе с.-д. организации... В связи с арестами выехал в Москву в начале августа (прибл.). Спустя 2—3 недели арестован под Москвой, в Перловке, за причастность к Северному Союзу. 3-месячный курс самообразования в Таганской тюрьме. Высылка под особый надзор в конце года в Ярославль (1901—1902 гг.).

Административная высылка в Хотин, а затем в Вологодскую губернию. Устраивал в пользу ссыльных концерты, лично участвуя в них (1903—1904 гг.).

В конце 1904 года выехал в Ярославль, первое время устраивал концерты в пользу партии. Ранней весной 1905 года переселился в Перловку под Москву, где наша дача служила явкой и убежищем для всех прибывающих со всей России по парт. делам — Школой стрельбы, Лабораторией по изучению взрывчатых веществ и пр.

Устраивал массовки. В августе по постановлению ЦК один из организаторов подкопа (неоконченного) под Таганскую тюрьму для освобождения членов ЦК

Баумана, Носкова и др., арестованных на квартире Л. Андреева... Снабжал московские пролетарские дружины оружием (браунингами, винчестерами и пр.).

В октябре в Костроме — организатор боевой дружины и член Костром. Комит. РСДРП (Стопани (Карп), Киткин и др.) (1904—1905 гг.).

Разгром организации, бегство из Костромы, переход на нелегальное положение, привлечение по 100 ст. Уг. Ул. (вооруженное восстание и изготовл. взрывч. веществ.— Под фамилией Иванов принял участие в организации в Твери концертов для партии (офиц. для безработных)...» [1]

Начальный период революционной деятельности Михаила Сергеевича (1901—1906 гг.) полон эпизодов, характеризующих его, молодого большевика, как талантливого мастера конспирации, как умелого организатора-боевика.

...Революционную работу ярославского студенчества возглавлял единый городской студенческий комитет во главе с М. С. Кедровым и Н. И. Подвойским. 7 марта 1902 года состоялась студенческая сходка, на которой обсуждался вопрос о проведении уличной демонстрации. Неожиданно на сходку пожаловали директор и инспектор лицея. Кедров провел весь разговор с директором в решительном и резком тоне. В тот же день совет Демидовского лицея исключил Кедрова из числа студентов. Затем последовали обыск и арест. Губернатор Ярославля Штюрмер просил департамент полиции о высылке Кедрова как «опасного для общества». Но студенты не оставили в беде своего председателя. Лицей оказался под угрозой закрытия, так как студенты отказывались посещать лекции. Адми-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 3.

М. С. Кедров, 1902 год.

нистрация пошла на вынужденную уступку: председатель студенческого комитета был освобожден под подписку о невыезде из Ярославля. Как представитель революционного студенчества М. С. Кедров вошел в состав Ярославского комитета «Северного рабочего союза».

...Революционные листовки ярославского подполья несли в массы ленинские идеи, жизненную правду. Полиция сбилась с ног, разыскивая тех, кто выпускал листовки и распространял их. Но безуспеш-

но — уж очень изобретательны в своей работе были подпольщики. Так, на улицах Ярославля с некоторых пор стал появляться офицер, казалось, без цели прогуливающийся по городу. Никто, конечно, не предполагал, что это студент-искровец Кедров «прикрывает» своего товарища по организации, расклеивающего прокламации «Северного рабочего союза».

В 1903 году последовали очередной арест и ссылка в Вологодскую губернию на три года. Вместе с товарищами по ссылке (О. А. Варенцова, И. А. Саммер, И. А. Брюханов и др.) Михаил Сергеевич уходит в чтение книг по философии, углубляет свои знания иностранных языков (он знал немецкий, французский, английский). А главное, получив от товарищей ряд трудов В. И. Ленина, изучает их. Ссылка превращается в школу революционной теории.

Организуя материальную помощь товарищам, М. С. Кедров как пианист дает концерты, весь сбор от которых поступает в пользу ссыльных. ...Вскоре Михаил Сергеевич совершил побег, но в небольшом бессарабском городке Хотине был задержан и возвращен на прежнее место. Лишь в конце 1904 года, на основании «высочайшего повеления» Кедров получил возможность возвратиться в Ярославль к семье.

Интересная запись была сделана Кедровым по 1901 году: «1901 год — член Нижегородского комитета РСДРП — заведовал всей техникой комитета (архив, печатня, консп. квартиры и пр.). Члены Комитета: Ладыжников И. П., сестры Карасевы, Яровицкий, раб. Заломов [1], М. Горький, раб. Кондратьев. В связи с провалом адреса в конце года выехал в Ярославль» [2].

[1] Петр Заломов явился прообразом Павла Власова в романе А. М. Горького «Мать».

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 3.

Заново перечитать и глубже вдуматься в эти строки заставило меня опубликованное в «Комсомольской правде» 10 мая 1967 года послесловие к роману Горького «Мать», составленное из писем П. Заломова к друзьям. В послесловии, в частности, говорилось, что после того, как Заломова в Петербурге выследила полиция, «он поселился на подмосковной даче большевика-подпольщика М. С. Кедрова вместе со студентом Николаем Подвойским. ...Был назначен организатором боевых дружин в Москве. Успешно выполнил поручение по вывозке винтовок Винчестера из Вологды. Незадолго до начала Московского вооруженного восстания был отозван для изготовления оболочек для бомб...»

С осени 1905 года Михаил Сергеевич работает в Костроме в составе Костромского комитета РСДРП. Главное внимание комитет уделял тогда организации боевых пролетарских дружин, подготовке их к революционным действиям. К ноябрю 1905 года костромская боевая дружина насчитывала около 300 человек.

Оружия не хватало... Тогда решено было изготовлять бомбы и гранаты собственными силами. И вот неподалеку от Костромы, на хуторе Понизовском, появился, как в шутку его называли, «фирменный оружейный завод Кедрова». Рядом с «химической лабораторией» заработала и «кузница», выпускавшая в небольших количествах кустарное холодное оружие. Как необходимое пособие, у работников «завода» имелась и специальная литература.

Вскоре «оружейный завод» стал ощущать недостаток в сырье — не хватало пороха, динамита. Помог случай. Михаил Сергеевич получил сведения, что для работ по углублению фарватера реки Костромы из Нижнего Новгорода вышел караван с большим гру-

зом пироксилина. Караван состоял из буксира «Макарьев» и двух барж с экипажем около 40 человек. Тут же созрело решение — под покровом ночи захватить полезный груз. Боевая дружина срочно готовилась к этой операции, но из-за тумана караван замедлил движение и прибыл в Кострому не ночью, а утром, когда было уже светло. Поэтому план захвата пришлось изменить.

В полдень караван вышел из города. Верстах в 12-ти выше Костромы его ожидала засада. Навстречу буксиру вышла шлюпка с дружинниками, от берега к каравану двинулись еще две лодки. Буксир «Макарьев», давая предупредительные гудки, замедлил ход. И тут вооруженные дружинники с ходу взяли его на абордаж. Ошеломленные внезапным нападением, караванщики не оказали сопротивления. Так «оружейный завод» получил необходимую взрывчатку.

Через несколько дней после «речной операции» дружинники, побывав на станции Вычуга, «разгрузили» целый вагон оружия и боеприпасов армейского назначения [1].

Помню, Михаил Сергеевич рассказывал, как осенью 1905 года по заданию костромского комитета партии ему пришлось закупать боевое оружие (пистолеты, револьверы разных систем) в московских оружейных магазинах Зимина и Виткова. Удалось закупить много оружия. И делалось это, как правило, на личные «дворянские» деньги и по официальному удостоверению, разрешавшему потомственному дворянину М. С. Кедрову «...приобретать и хранить огнестрельное оружие».

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 13.

Сейчас, перечитывая ставшие уже историческими материалы, сопоставляя их с «домашними» рассказами Михаила Сергеевича, ясно представляешь себе, насколько серьезно и ответственно организовывались тогда эти боевые предприятия. Опыт, полученный в те годы, не прошел бесследно. В конце 20-х годов Михаил Сергеевич написал брошюры о технике подпольной типографской работы, о тактике уличных боев. Брошюры эти были изданы на ряде иностранных языков.

В начале 1906 года костромская организация была разгромлена. М. С. Кедрову пришлось покинуть Кострому и перейти на нелегальное положение. Ему, как и многим его товарищам по партии, грозили арест и предание суду по статье 100-й за «...изготовление взрывчатых веществ» [1].

...Под фамилией Иванова Кедров выехал в Тверь. Этот «Иванов» оказался талантливым музыкантом; вскоре после приезда он организовал ряд концертов, денежный сбор от которых, как было объявлено, поступал в пользу безработных. В действительности же концерты пианиста «Иванова» приносили партии определенные средства, столь необходимые для работы.

Скрываясь после событий 1905 года от преследований полиции, Кедров за несколько месяцев побывал в Костроме, Одессе и на Кавказе. Вернувшись осенью 1906 года в Москву, он узнал о смерти своего отца. По наследству ему, как и другим родным, досталась немалая сумма денег. Михаил Сергеевич выехал в Петербург и сообщил партийному центру о полученном им наследстве, а также о своем решении использовать эти средства на нужды партии.

И вот в Петербурге сперва на Васильевском остро-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 4.

ве, а затем на Невском проспекте, 110 осенью 1906 года появилось книжное издательство «Зерно». И само издательство, и книжный склад разместились в доме, в котором поселился с семьей «владелец» этого предприятия большевик Михаил Кедров, имевший до переезда на Невский надежно изготовленный паспорт на имя Иванова.

Дом 110 имел ряд неоспоримых с точки зрения конспирации удобств. Черный ход связывал квартиру и склад с разветвленной системой проходных дворов и выходом на разные улицы. Транспортировка литературы облегчалась близостью Николаевского (ныне Московского) вокзала.

Задача предстояла трудная. Надо было в условиях нарастающей столыпинской реакции наладить легальное издание нелегальной литературы. Это требовало от организаторов издательства и от авторов смелости, находчивости.

Прежде всего надо было создать такие условия выпуска партийной литературы, при которых сохранность издания была бы, в известной степени, гарантирована. В то время книгопечатание испытывало определенный кризис. Почти все типографии были крайне заинтересованы в получении заказов. Этот немаловажный фактор блестяще использовали руководители издательства «Зерно» при издании «Календаря для всех».

Позднее, в 30-е годы, работая над воспоминаниями, относящимися к деятельности «Зерна», Михаил Сергеевич писал:

> «Заказ на печатание Календаря мог считаться достаточно солидным и выгодным, и любая типография приняла бы его. Больше того, сдачу заказа можно было обусловить принятием еще

определенных, конфиденциальных условий в интересах издательства. Такие два условия и были нами выставлены: во-первых, в книге заказов типография обязывается указать тираж не 63 тыс., а всего 3 тыс. экземпляров; во-вторых, представление в цензуру требуемых отпечатанных экземпляров календаря должно быть задержано типографией всего на несколько дней.

Принятие типографией этих скромных требований... облегчалось тем обстоятельством, что фирма издательства была вполне легальная и значилась как в книгах, так и на обложках календаря. Поэтому в случае чего вся ответственность по закону ложилась лишь на издательство, а не на типографию.

Крупная типография Исидора Голдберга на Фонтанке приняла заказ на предложенных условиях, и условия эти выполняла» [1].

«Календарь» по своему содержанию представлял издание нелегальное. В первый же день он был запрещен цензурой и подлежал конфискации. Но полиции удалось захватить всего несколько десятков экземпляров. Основной же тираж календаря, 60 тысяч, уже распространялся по фабрикам и заводам, по казармам и крейсерам.

Первая проба удалась! А главное, был установлен очень важный для издательства деловой контакт с Владимиром Ильичем.

«Успех с «Календарем» укрепил наши намерения приступить к изданию ленинских трудов,— вспоминал Михаил Сергеевич.— Ведь статьи Ленина можно было видеть только на страницах издававшихся

---

[1] «Красная летопись», 1933, №№ 3, 4, стр. 167

вышла тоже в 1905 году). Я думаю, эта вещь представила бы большой интерес для публики и была очень своевременна. Материалы для работы почти все у меня уже подобраны и частью уже обработаны. Для окончания надо несколько недель; надеюсь, что смогу в несколько недель написать эту работу.

Итак, сообщите мне: желаете ли Вы представления II тома немедленно без этой новой статьи или предпочитаете, чтобы II том был представлен, примерно, через месяц — $1^1/_2$ с новой статьей» [1].

Михаил Сергеевич, конечно, был согласен на второй, более полный вариант. Вскоре Н. С. Ангарский (Клестов), по поручению руководителя издательства, выехал в Финляндию, где встретился с Лениным. Владимир Ильич согласился издать еще несколько работ в издательстве «Зерно». О том, какое значение В. И. Ленин придавал легальным изданиям и, в частности, работе умело легализованного партийного издательства «Зерно», можно судить по его письмам к А. М. Горькому, написанным в начале 1908 года.

В одном из них Владимир Ильич писал:

«...Легальные сборники, разумеется, должны быть; наши товарищи в Питере в поте лица трудятся над ними, и я трудился после Лондона, сидя в Квакале (Куоккала.— *Ред.*). Если можно,— *все* усилия надо приложить, чтобы их поддержать и сборники эти продолжить»[2].

В начале 1908 г. издательство выпустило сборник, посвященный 90-летию со дня рождения К. Марк-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 47, стр. 116—117.
[2] Там же, стр. 133.

са. В этом сборнике была напечатана и статья Владимира Ильича «Марксизм и ревизионизм». В период между 11 и 18 января 1908 года вышла в свет трехтысячным тиражом первая часть II тома сочинений Владимира Ильича (Вл. Ильина) под заглавием «Аграрный вопрос», часть I. В нее вошли X и XI главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса». Но издавать нелегальную литературу становилось все труднее. В конце апреля 1908 года был арестован руководитель издательства «Зерно» М. С. Кедров. Правда, ему удалось заблаговременно спрятать в относительно надежные хранилища большие тиражи партийной литературы.

...Следствию удалось установить, что ряд грузов, отправленных в свое время Кедровым из Петербурга в разные города России, состоял исключительно из нелегальной политической литературы. На одно обвинение наслаивалось другое... И целый год, пока велось следствие, Михаил Сергеевич провел в стенах одиночной камеры в петербургской тюрьме Крестах.

Интересный документ о деятельности издательства «Зерно» обнаружили в архивах ленинградские историки И. Лейберов и В. Муштуков. В октябре 1908 года начальник Петербургского губернского жандармского управления вынужден был констатировать, что «...книжный склад «Зерно»... являлся складом социал-демократической литературы, причем, имея тесную связь в лице служащих в складе с членами Центрального Комитета РСДРП, выполнял загородные заказы по транспортированию в провинциальные города и села партийной литературы» [1]. В ноябре 1908 го-

[1] Лейберов И., Муштуков В. Это было полвека назад. — «Вечерний Ленинград», 1966. 12 февраля.

да Кедрова приговорили к заключению в крепости на два с половиной года.

Так организатор легализованного партийного издательства «Зерно» стал узником. Он был человеком необычайной воли и с первых же дней установил для себя жесткий, спартанский режим.

Кедров превратил свою камеру в «тюремный университет». Друзья и товарищи снабжали его книгами, он получал газеты. Штудируя «Капитал» Маркса, для отдыха переключался на книги по медицине. На праздные размышления времени не оставалось. А в этом, по словам Кедрова, и заключался смысл организации тюремного бытия. Чтобы сохранить повседневную работоспособность, свести до минимума воздействие тюремного режима на здоровье, Михаил Сергеевич нашел радикальное средство для закаливания организма в регулярно повторяемых физических упражнениях.

...В конце 1911 года, отбыв срок заключения, Кедров вышел на волю. Соблюдая необходимые предосторожности, Михаил Сергеевич, прежде всего, попытался выяснить, какие запасы литературы, им запрятанной, уцелели после его ареста. Поиски увенчались успехом.

Вот что писал об этом Кедров:

«Когда после отбытия почти трехлетнего одиночного заключения в крепости я в 1911 году вышел на свободу, тотчас же приступил к ликвидации громадных книжных запасов, и в первую очередь нелегальных. «За 12 лет» предложил Петербургскому комитету нашей партии безвозмездно, но получил ответ, что распространить ее комитет не имеет возможности. Часть конфискованной литературы вынужден был продать на

бумагу, так как никто не решался принять ее на хранение. Большую часть революционной литературы, состоявшую из изданий «Донской Речи», «Молота», «Колокола», «Зерна» и других, также «Аграрный вопрос» и небольшое количество «За 12 лет» удалось сложить на склад писчебумажной фабрики «Сокол», где она благополучно дождалась Февральской революции.

В марте или апреле 1917 года, когда в революционной книге ощущался форменный голод, всю эту литературу, в том числе и сочинения Владимира Ильича, я передал в распоряжение ЦК нашей партии в течение 2—3 недель и в таком количестве, в каком они едва разошлись в предшествующие десять лет» [1].

Итак, издательские дела были закончены. В конце 1912 года Михаил Сергеевич, воспользовавшись несогласованностью действий полиции Москвы и Петербурга, получил документы и выехал в Швейцарию.

В личном архиве М. С. Кедрова сохранился пожелтевший от времени листок. В глаза бросается внесенная красными чернилами бисерная правка. Этой страничке более сорока лет.

Она была написана Кедровым в 1925 году. ...Близился день первой годовщины великой утраты. Вся страна готовилась чтить память вождя. Михаила Сергеевича пригласили тогда на траурное заседание партийной организации Коминтерна, где он должен был рассказать о своих встречах с В. И. Лениным.

...Поздно вечером вернулся Михаил Сергеевич домой. Но мы долго еще сидели в большой комнате, снова и снова слушая его рассказы об Ильиче...

[1] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956, стр. 414.

«...С Владимиром Ильичем я впервые встретился, как вы уже знаете, летом 1913 года в Швейцарии, в Берне, на концерте,— говорил Михаил Сергеевич.— Запомнилось стремление Ильича услышать от меня наиболее подробные, исчерпывающие ответы на ряд вопросов о России, о работниках большевистского подполья. Однако это не помешало ему дважды, в начале разговора и при расставании, очень тепло отозваться о моей игре. Прощаясь, он сказал: «Как-нибудь зайду к вам музыку послушать».

И Ильич зашел... зашел запросто, как к старым своим знакомым... Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена...»[1]

Швейцарские встречи с В. И. Лениным оставили неизгладимый след в душе М. С. Кедрова.

В шеститомной Истории Коммунистической партии Советского Союза говорится, что «Связи Центрального Комитета с местными организациями осуществлялись также через специальных доверенных, посылаемых в Россию... С заданиями Ленина и уехали работать в Россию М. С. Кедров, Н. В. Крыленко, Е. Ф. Розмирович, В. А. Тихомирнов и другие»[2].

...Выезд М. С. Кедрова со специальным поручением В. И. Ленина был намечен на весну 1916 года.

В одном из своих писем из Цюриха в Берн, посланном в период между 4 и 10 апреля 1916 года, Ленин запрашивал:

«...Узнайте поточнее, когда едет Кедров? В Берне ли он еще? В Лозанне ли его жена?..»[3]

Большой интерес к отъезду Кедрова в Россию про-

---

[1] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1, М., 1956, стр. 416—418.
[2] История КПСС. Т. 2. М., 1966, стр. 550.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 49, стр. 212.

являла жандармерия. Об этом говорит следующая телеграмма, найденная в архиве.

«Архангельск Петрограда 27 мая 1916

На днях выехал Лондона Петроград или Москву возможно партийным поручением проживающий Лозанне соц.-дем. доктор Михаил Кедряв, возможно Кедров, с женою двумя детьми. Случае проезда подвергните тщательному таможенному досмотру результатам, при отсутствии преступного сопровождайте наблюдателем № 788.

Вице-директор Деп. пол. Смирнов»[1].

Однако Михаил Кедров вернулся в Россию благополучно. Выполнив поручения по Петербургу и Москве, он выехал в Харьков.

Еще живя в Швейцарии, Михаил Сергеевич успешно закончил полный курс медицинского факультета. Но в России заграничный документ не имел юридической силы. И Михаил Сергеевич Кедров летом 1916 года сдает экстерном Государственные экзамены на медицинском факультете Харьковского университета и получает диплом врача.

В конце 1916 года военный врач русской армии Михаил Кедров был направлен на борьбу с тифом, вспыхнувшим в Закавказье, в частях персидского фронта. Часть, в которую он попал, располагалась в районе Шерифханэ, рядом с озером Урмия.

С первых же дней практического врачевания повседневное общение с солдатами и офицерами позволило Михаилу Сергеевичу довольно быстро сориентироваться в политических воззрениях фронтовиков, найти среди них революционно настроенных. И когда из Пе-

[1] ГААО, ф. 1323, от. 1, ед. хр. 717, л. 31.

трограда пришла весть о падении царизма, в Шерифханэ был без промедления создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Группе большевиков во главе с Кедровым и его однополчанами Тарасовым и Тетерниковым удалось политически изолировать меньшевиков и не допустить избрания их в Совет. Председателем Совета избрали большевика-ленинца М. С. Кедрова. Он и его товарищи Тарасов и Тетерников стали также делегатами краевого съезда Кавказской Армии.

В мае 1917 года Михаил Сергеевич приезжает в Петроград и сразу включается в работу военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б), руководил которой Николай Ильич Подвойский. Вместе с М. И. Калининым, В. И. Невским и А. Ф. Ильиным-Женевским он работает в редакции ежедневной солдатско-крестьянской газеты «Солдатская правда».

В эти же дни, после более чем трехлетнего перерыва, Михаил Сергеевич вновь встречается с Владимиром Ильичем Лениным, но теперь уже на родной русской земле. Это произошло «...в Петрограде в июне 1917 года на заседании ЦК, куда был вызван весь руководящий состав военной организации большевиков во главе с товарищем Подвойским для информирования о настроении в войсках Петроградского гарнизона и о возможности их выступления...

...Владимир Ильич встретил меня весьма радушно. Интересовался положением на этом наименее известном фронте. Я сообщил, что на фронте являюсь председателем единственного в Закавказье большевистского Совета, который объединил и все воинские части и рабочих железнодорожного и водного транспорта и с первых дней захватил власть в свои руки.

— А описали вы все это в печати? Нет? Необходимо исправить эту оплошность и написать подробно,

обязательно написать и немедленно, — сказал Ильич...»[1]

...В июне 1917 года события следовали одно за другим. Так, дворец бывшей царской фаворитки, балерины Кшесинской был занят Центральным Комитетом партии большевиков. В одном из его вместительных залов «Военка»[2] открыла «Солдатский клуб». Солдаты-фронтовики, попадавшие в те дни в Петроград, первым делом шли в этот клуб, надеясь увидеть Ленина, услышать слова большевистской правды, узнать, как относятся большевики к войне, к Временному правительству.

Перед солдатами и матросами в «Солдатском клубе» выступали видные большевики: читали лекции, доклады. Устраивались в клубе и концерты. Иногда их посещал Владимир Ильич.

16—23 июня во дворце Кшесинской состоялась Всероссийская конференция фронтовых и тыловых организаций большевиков. К открытию собралось 120 делегатов со всех фронтов. Были заслушаны доклады с мест, доклады тт. Крыленко Н. В., Розмировича Е. Ф., Невского В. И., Подвойского Н. И. и других. Дважды с докладами выступал В. И. Ленин. Конференция избрала Всероссийское бюро военной организации при ЦК партии, в состав которого вошел и М. С. Кедров.

«Штаб военной организации — дворец Кшесинской — представлял собой в полном смысле слова «кипящий котел». Солдаты, матросы шли сюда за тем, чтобы получить ответ на «жгучий» вопрос, чтобы до-

---

[1] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956, стр. 418—419.

[2] Так сокращенно называли военную организацию при ЦК партии.

ждаться и унести с собой номер «горячо любимой» «Солдатской правды»[1].

«Солдатская правда» стала самой популярной газетой среди солдат-фронтовиков. Однако после июльских событий, когда были запрещены все большевистские издания и разгромлена «Правда», перестала выходить и «Солдатская правда». Но партии нужна была своя газета — народ ждал ее. На выпуск новой газеты требовались средства.

И они нашлись. Во время июльского налета на газету «Солдатская правда» М. С. Кедрову удалось спасти все деньги, пожертвованные в свое время питерскими рабочими и солдатами в фонд газеты. Эти средства использовались для создания новых газет: «Рабочий и Солдат», «Рабочий». В организации этих газет принимал активное участие М. Кедров.

Нужна была типография, которая согласилась бы печатать большевистскую газету в условиях развернувшейся антибольшевистской кампании. За выполнение этой задачи взялись Кедров и Подвойский. Вскоре они выяснили, что есть возможность договориться с одним из типографов. Для этого Кедрову и Подвойскому пришлось усиленно доказывать, что новая газета призвана обслуживать «бытовые интересы рабочих и солдат»[2].

Формальное разрешение на выпуск газеты с большим трудом, но было получено. И в воскресенье, 23 июля 1917 года, жители Петрограда увидели первый номер газеты «Рабочий и Солдат».

Интересно, что на выпуск только первого номера

---

[1] «Пролетарская революция», № 6(65), 1927, стр. 219.

[2] И. Г. Левитас, М. А. Москалев, Е. М. Фингерит. Революционные подпольные типографии в России. М., 1962, стр. 361.

за две недели поступило от 97 303 питерских рабочих, солдат и матросов в общей сложности 20 108 рублей добровольных пожертвований[1]. Вскоре тираж газеты с 20 тысяч увеличился до 60 тысяч экземпляров, а отдельные номера выходили даже стотысячным тиражом.

В. И. Ленин считал выпуск газеты крупной победой над силами контрреволюции[2].

Из-за того, что не было возможности возобновить выход «Правды», ЦК партии объявил газету «Рабочий и Солдат» центральным органом партии. Всю документацию и денежные суммы принимал по поручению ЦК Ф. Э. Дзержинский.

Очень простой и быстрой была передача этих дел. Кедров описал ее так: «Вся финансовая часть газеты помещалась в двух больших карманах моей гимнастерки... Помню, Феликса Эдмундовича поразила особенность составленного баланса. Кроме типографских расходов и на бумагу, никаких других расходов наше хозпредприятие не имело.

— Ну, а заработная плата служащим, гонорар, экспедиция, транспорт, где они у вас показаны? — недоумевал Дзержинский.

Я объяснил ему, что все без исключения сотрудники отдают партии свой труд безвозмездно и были бы обижены, если предложить им плату»[3].

Газета просуществовала недолго — в августе 1917

---

[1] И. Г. Левитас, М. А. Москалев, Е. М. Фингерит. Революционные подпольные типографии в России. М., 1962, стр. 361.

[2] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 25.

[3] Сб. «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1957, стр. 132.

года она была закрыта. Кедров принимал самое деятельное участие в организации выхода той же газеты, но под новым названием «Рабочий».

В сентябре Михаил Сергеевич по решению ЦК выехал в Западную Сибирь. Документы, выданные ему «Союзом городов», свидетельствовали о том, что врач Кедров правомочен решать вопросы «размещения беженцев». Это помогло Михаилу Сергеевичу успешно выполнить задание ЦК: установить связь с большевиками Омска, Ново-Николаевска, Томска, Бийска, Барнаула и других городов Сибири.

«Октябрьская революция застала меня в Омске, — записал в своей автобиографии Михаил Кедров. — Выставление моей кандидатуры в председатели Омского Совета Раб. и Сол. Депутатов заставило кандидата-интернационалиста безоговорочно признать большевистское правительство»[1].

В ноябре 1917 года Кедров вернулся в Петроград.

Правительственным декретом от 10 ноября 1917 года за подписью В. И. Ленина он был назначен заместителем Народного Комиссара по военным делам «по отделу демобилизации» (сокращенно «Демоб»). В этот же день вышел Декрет о постепенной демобилизации армии, началом которой объявлялось увольнение в бессрочный отпуск солдат призыва 1899 года.

Перед Советской властью во всей своей сложности встала задача не только демобилизовать старую армию, но и создать на совершенно новых основах армию социалистического государства. Развал народного хозяйства, нараставшая угроза голода, разруха на транспорте, начавшаяся война с бандами Каледина, Дутова и многими другими чрезвычайно затрудняли

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 4.

организацию и проведение планомерной и безболезненной демобилизации. Задача усложнялась также необходимостью не допустить оголения еще действующего фронта и сохранить порядок в тылу.

На проведение демобилизации партия направила группу старых большевиков, руководящих работников «Военки», знакомых с положением в армии, умевших работать с солдатской массой. В их числе был и М. С. Кедров.

В первую очередь предстояло разъяснить массам задачи демобилизации и то, как она будет организована. В этом плане работала советская и партийная пресса, проводились различные совещания.

Партия обращалась вновь, как говорил В. И. Ленин, «...к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы»[1].

28 ноября в Петрограде открылось совещание по демобилизации армии. Присутствовали делегаты ряда армий, гарнизонов крупных городов, отдельных наркоматов. Председателем совещания был избран М. С. Кедров. Совещание, проработав три дня, избрало оргбюро для подготовки съезда по демобилизации, назначив открытие съезда на 15 декабря 1917 года. Делегаты единодушно высказывались за ускорение демобилизации.

После совещания повсеместно прошли фронтовые и армейские съезды по демобилизации.

К этому времени Комиссариат по военным делам и Комиссариат по демобилизации («Демоб») уже разработали подробный план демобилизации с указанием мест отправки и путей следования эшелонов.

В крупнейшие фронтовые и прифронтовые центры

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35, стр. 88.

и тыловые железнодорожные узлы были посланы эмиссары «Демоба», сумевшие закрепить организованные начала в ходе всей демобилизации. Многие из них возглавили на местах и организацию борьбы с контрреволюцией.

Одновременно с работой по демобилизации армии «Демоб» был вынужден принять на себя ряд функций, не имевших непосредственного отношения к демобилизации.

От Временного правительства, а частично и от царизма, в «наследство» Советской власти остались некоторые старые учреждения, служившие приютом для контрреволюционеров всех мастей.

По приказу Кедрова эти учреждения, а также и «Военный совет по обороне» были ликвидированы.

На протяжении первых месяцев становления Советского государства «Демобу» пришлось принимать решительные меры в обстановке открытого саботажа со стороны старых служащих.

Так, финансово-контрольный отдел «Демоба», который возглавил Кедров, взял на себя функции Государственного контроля. Ни одна банковская операция по оплате ассигновок не проводилась казначейством без визы «Демоба».

Отдел военного имущества осуществлял контроль над всем военным имуществом и снаряжением.

Медико-санитарный отдел подчинил себе все воинские лазареты, санитарные поезда, эвакопункты и пропускные питательные пункты. Отдел стал впоследствии основой Главсанупра и частично способствовал образованию Наркомздрава.

Отдел по делам военнопленных и беженцев был изъят из ведения Наркоминдела и подчинен «Демобу».

Автотранспортный отдел «Демоба» (автоцентр) охватил все автозаводы и мастерские Республики.

Техническое управление «Демоба» к концу 1917 года разработало проект электрификации севера России с учетом возможности использовать демобилизованных солдат.

Комиссариат по демобилизации во главе с Кедровым не только руководил демобилизацией личного состава армии, но и разрабатывал, по заданию Наркомвоена Н. И. Подвойского, принципы организации новой армии.

Особо важную роль в проведении демобилизации старой и в создании новой, рабоче-крестьянской, армии сыграли Общеармейский съезд по демобилизации армии (одним из его организаторов и руководителей был М. С. Кедров) и ряд совещаний. В работе некоторых из них участвовал В. И. Ленин.

«Демоб», по свидетельству современных историков, за несколько месяцев проделал колоссальную работу, создав необходимые условия для организации Красной Армии.

Весной 1918 года Михаил Кедров с группой работников «Демоба», прекратившего к тому времени свою деятельность, получил новое задание партии. Предстояло выехать в Архангельск.

Этот северный порт за последние годы мировой войны превратился в огромную кладовую военных грузов и других материальных ценностей. Достаточно привести лишь некоторые данные из справки, составленной начальником Морского генерального штаба Е. В. Беренсом: «...по состоянию на 1.1.1918 года. В Архангельске к этому времени находилось более 700 000 снарядов, 80 000 пудов взрывчатых веществ, почти 15 000 000 пудов каменного угля. Сохранились

также большие запасы льна, шкур, марганцевой и медной руд и много другого, заготовленного на экспорт»[1].

Главные военные склады находились в районе Бакарицы. Эвакуация грузов в глубь страны и их охрана с декабря 1917 года оказались в руках так называемой «Московской биржевой артели». Эта «Артель» находилась по существу во власти замаскировавшихся русских белогвардейцев и англо-французских агентов. Начальник охраны порта Бакарица, некий Кучерявый, в прошлом был полицмейстером города Эрзерума»[2]. Под видом рабочих на Бакарице сосредоточилось несколько сот хорошо вооруженных белогвардейских офицеров. «Артель» всеми доступными ей средствами (задержка вагонов, паровозов) срывала эвакуацию ценных грузов.

Это не могло не привлечь внимания архангельских большевиков. На проходившем в январе 1918 года II делегатском съезде моряков флотилии Северного Ледовитого океана по предложению большевиков был заслушан доклад о положении на Бакарице. Постановление съезда по докладу гласило: «Сегодня же делегатскому съезду с непременным участием Целедфлота начать высылку контрреволюционной банды, набранной «Московской артелью». Кто не подчинится такому постановлению делегатского съезда, того непременно арестовывать и предстаавлять в Целедфлот. Оружие, отобранное у офицеров Бакарицы, распределить среди флотской команды Архангельска. Нашим представителям в Совете немедленно собрать данные, по чьему покровительству из революционного комите-

[1] И. С. Шангин. Моряки в боях за Советский Север. М., 1959, стр. 61.

[2] Г. Е. Мымрин. За власть Советов. Архангельск, 1958, стр. 86.

та дано разрешение Биржевой артели нанимать офицеров на Бакарицу»[1].

На основании этого отряд военных моряков разоружил более 300 белогвардейцев, которые были немедленно отправлены из Архангельска специальным поездом.

В связи с активизацией контрреволюционного подполья Архангельский исполком принял все меры к тому, чтобы ускорить эвакуацию грузов.

Дипломатические представители стран Антанты, находившиеся в Архангельске, стали проявлять беспокойство, видя, как важные грузы уходят в центр России. В планах дальнейшего развития интервенции, фактически уже начавшейся на Кольском полуострове, архангельские запасы вооружения, топлива и продовольствия должны были сыграть большую роль: обеспечить интервентов и белогвардейцев всем необходимым. Почувствовав себя хозяевами на Мурмане, интервенты попробовали диктовать свою волю и архангельским большевикам. Так, 4 марта 1918 года английский консул Дуглас Юнг послал ультимативное предупреждение на имя Главноначальствующего Архангельска: «Я нахожу своим долгом, — писал он, — во избежание всяких недоразумений в будущем, через посредство ваше, ясно и категорически объявить местным фактическим властям мнение британского правительства относительно собственности груза, находившегося в Архангельске. Британское правительство считает весь ввезенный в Архангельск груз исключительной собственностью союзников, а не России. За него было уплачено исключительно союзниками. Британское правительство не признает законности декре-

[1] ГААО, ф. 272, д. 41, л. 26.

та настоящего правительства, уничтожающего иностранные займы, ясным следствием чего является, что пока такой декрет не будет изменен, груз не может стать собственностью русского правительства хотя бы даже частично»[1].

Советское правительство, пристально следившее за развитием событий на Севере, 6 марта 1918 года приняло весьма важное и своевременное решение о разгрузке Архангельского порта. В подписанном В. И. Лениным постановлении говорилось: «Для объединения и руководства работами по погрузке Архангельского порта, а также для исключительных мероприятий по защите грузов от действий полой воды Совет Народных Комиссаров постановляет:

Учредить Чрезвычайную комиссию по разгрузке Архангельского порта.

Означенной комиссии немедленно приступить к работе. Подчинить этой комиссии все учреждения и организации, работающие по разгрузке Архангельского порта»[2].

В Архангельск эта комиссия (сокращенно ЧКОРАП), возглавляемая С. Н. Сулимовым, членом коллегии «Демоба», прибыла 9 марта 1918 года. На совместном заседании комиссии и исполкома было принято решение о введении трудовой повинности и сдельной оплаты на работах по эвакуации грузов, о наказании за отказ работать на погрузке. Это дало свои результаты — поток грузов, исчисляемых миллионами пудов, заметно увеличился. Нарастало и беспокойство интервентов. Американский посол в России Френсис 30 марта 1918 года телеграфировал в Ва-

---

[1] М. С. Кедров. За Советский Север. Л., 1927, стр. 7—8.
[2] ГААО, ф. 272, д. 44, л. 81.

шингтон: «Осведомлен, что за последнее время были произведены значительные отправки внутрь страны из Архангельска, где находится громадное количество военных и других запасов, присланных союзниками на основании кредитов по займам, ныне аннулированным. Несмотря на аннулирование, русское правительство все же настаивает на праве собственности на эти запасы. Такое положение нетерпимо»[1].

В начале мая 1918 года Н. Сулимов в своем донесении на имя В. И. Ленина сообщал: «ЧКОРАПом выполнена задача спасения груза порта. Приступлено к вывозу грузов, в частности угля, наличность коего около 12 млн. пудов. Для местных нужд достаточно максимум около 3 млн. пудов. Вывоз угля производится в течение 10 дней и отправлено около 700 тыс. пудов в адрес Военно-хозяйственного совета (Кедрову)... Погрузка остальных 8 млн. пудов производится беспрерывно и грузится в среднем ежедневно до 70 тыс. пудов...»[2]

Положение на Советском Севере усложнялось. Оккупировав Мурманск, интервенты продвигались на юг. Создалась реальная угроза захвата Архангельска. В городе активизировали свою деятельность меньшевики и эсеры. Обстановка требовала принятия решительных мер, направленных на укрепление местных органов Советской власти, на ликвидацию явного и тайного противодействия со стороны врагов Октябрьской революции. Вместе с тем, правительство не имело точных сведений по ряду губерний о состоянии военного хозяйства, о боеспособности воинских частей,

[1] В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на Севере России. М., 1956, стр. 50.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 256, лл. 10—11. Телеграфная лента.

ходе формирования частей Красной Армии местными военными комиссариатами.

Своим постановлением от 18 мая 1918 года Совет Народных Комиссаров создал специальную правительственную комиссию, вошедшую в историю борьбы за становление Советской власти под названием Советской ревизии. Руководителем комиссии был назначен М. С. Кедров. В мандате, подписанном В. И. Лениным и В. Д. Бонч-Бруевичем, говорилось:

> «Настоящим удостоверяется, что тов. М. С. Кедров является уполномоченным Совета Народных Комиссаров по производству ревизии всего военного хозяйства и местных советских учреждений Российской Федеративной Социалистической Республики...
>
> Председатель Совета Народных Комиссаров *Ульянов (Ленин)*.
>
> Управляющий делами СНК *Вл. Бонч-Бруевич*»[1].

Основу аппарата Советской ревизии составляли бывшие сотрудники «Демоба» (около 40 человек). Организационно Ревизия была разбита на 11 секций.

Опубликованное в печати Постановление о ревизии местных учреждений Республики говорило о важности задач, поставленных перед Советской ревизией, и подчеркивало чрезвычайность полномочий М. С. Кедрова.

---

[1] ГААО, ф. 272, д. 59, л. 235.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ И ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА О РЕВИЗИИ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

18 мая 1918 г.

1. Совет Народных Комиссаров в обеспечение полноты успеха ревизии военного хозяйства, порученной приказом Народного комиссариата по военным делам от 12 с. мая за № 367 товарищу Михаилу Сергеевичу Кедрову, постановил: поручить тов. Кедрову производство попутного, особенно в случае обнаружения при ревизии каких-либо дефектов, организаций или злоупотреблений, обследования также всех прочих отраслей деятельности и организаций местных советских учреждений.

2. Производство ревизии возлагается на тов. Кедрова, которому предоставляется право приглашать необходимый штат сотрудников, а также привлекать лиц администрации к выполнению отдельных поручений.

3. Все заинтересованные народные комиссариаты Российской Социалистической Федеративной Республики имеют право делегировать в комиссию тов. Кедрова по одному представителю, по соглашению с которым будут принимать в случае необходимые меры, касающиеся соответствующего комиссариата.

4. Все учреждения: в том числе и судебные, и отдельные лица, должны оказывать Ревизии всемерное содействие и беспрекословно подчиняться распоряжениям Ревизии, клонящимся к выяснению положения дела, устранению беспорядков и преступлений, вос-

становлению нормального хода государственно-общественных дел, изобличению виновных.

5. По выполнении ревизии т. М. С. Кедров обязывается отчетом перед Советом Народных Комиссаров.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
Я. Свердлов.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин).

Народный комиссариат по военным и морским делам.
Председатель ВСНХ.
Народные комиссары.
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.
Секретарь СНК *Горбунов*»[1].

Район действия Советской ревизии был определен границами пяти губерний: Ярославской, Вологодской, Архангельской, Иваново-Вознесенской и Костромской, расположенных на северном направлении.

В конце мая 1918 года Советская ревизия вместе с отрядом латышских стрелков прибыла специальным поездом в Архангельск, где предполагалось обосновать штаб-квартиру. И с первого же дня Ревизия развернула свою работу, действуя в тесном сотрудничестве с партийной организацией города.

---

[1] «Известия Арх. СР и СД и Губисполкома», 1918, 12 июля.

28 мая состоялось совместное совещание ответственных сотрудников правительственной комиссии с руководителями архангельских большевиков. Был выработан и согласован план ближайших мер и действий, осуществление которых по-серьезному укрепило бы позиции Советской власти. К приезду Советской ревизии в Архангельске еще продолжали существовать губернская и городская земские управы: у руководства службами продовольствия, финансов, здравоохранения находились прямые враги Советской власти; функционировали частные банки; задерживалось формирование военных комиссариатов. И все это на фоне нарастающей угрозы интервенции и консолидации внутренних контрреволюционных сил.

В конце первой недели пребывания в Архангельске М. С. Кедров широко оповестил все население города о целях и задачах Советской ревизии. В газете было опубликовано «Обращение ревизии Народного Комиссара М. С. Кедрова «Ко всем гражданам» с призывом о содействии делу Советской ревизии. Приводим текст этого обращения:

«Декретом Совета Народных Комиссаров от 18 мая назначена ревизия всех советских учреждений и должностных лиц.

В интересах дела ревизии, на которую Советская власть возложила ответственную задачу государственного строительства по организации и укреплению Советской власти на местах, я обращаюсь ко всем гражданам с просьбой оказать делу ревизии свое посильное содействие.

Долг каждого гражданина, кому известны какие-либо злоупотребления и преступления: взяточничество, спекуляция, мародерство, явное

или открытое противодействие Советской власти и проч., учиненные должностными лицами или учреждениями, заявлять ревизии об известных ему фактах преступных деяний.

Заявления принимаются на станции, в поезде Ревизии народного комиссара М. С. Кедрова (вагон-канцелярия).

Время личного приема: народный комиссар М. С. Кедров принимает от 20 час. до 21 час.

Управляющий делами ревизии т. Эйдук принимает от 8 час. до 10 час. и от $18^1/_2$ час. до 20 час.» [1]

В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров вынес декрет о прекращении выплаты по дивидендам и купонам различных займов. Архангельское же отделение Государственного банка, не считаясь с тяжелым состоянием финансов губернии, и в июне 1918 года продолжало выплачивать проценты и погашения по городским займам выпусков 1900, 1911 и 1917 годов.

Узнав об этом, М. С. Кедров приказом от 10 июня 1918 года предложил финансовому отделу губисполкома немедленно обеспечить прекращение всех платежей по займам. На гласных городской думы и членов управы, допустивших нарушение декрета СНК, был наложен штраф в сумме, полностью покрывающей произведенные уже незаконные выплаты. Значительная группа финансовых контролеров городской управы была арестована за допущение незаконных выплат и привлечена к ответственности.

В Архангельске продолжали функционировать от-

[1] «Известия Арх. СР и СД и Губисполкома», 1919, 12 июня.

дельные частные банки. Это обстоятельство затрудняло работу Государственного банка, мешало укреплению финансового состояния губернии. Приказом от 11 июня М. С. Кедров предложил губисполкому осуществить национализацию всех частных банков. Приказ гласил:

> «Ввиду того, что проведенная до сих пор в г. Архангельске неполная национализация отделений частных банков не гарантирует интересов трудового народа, давая повод питать ложные надежды на денационализацию этих банков, предписываю осуществить окончательную национализацию архангельских отделений частных банков...»

В этот же день Кедров отдал приказ произвести экстренную ревизию операций ЧКОРАПа по вывозу угля для выявления точных данных: «...сколько, куда и в чье распоряжение до сего времени эвакуировано угля и сколько осталось в Архангельске в настоящее время».

Через два дня Советской ревизии пришлось сделать еще один шаг, направленный на укрепление финансового положения. В приказе Народного Комиссара Кедрова от 13 июня 1918 года читаем: «Предписываю всем архангельским предприятиям, учреждениям, за временным исключением учреждений Государственного (народного) банка, прекратить дальнейшее начисление процентов по находящимся в них и вновь поступающим вкладам, специальным и простым текущим счетам ввиду нетрудового характера этого дохода».

...В Архангельской губернии прикрытием для сплo-

чения контрреволюционных сил служило земство. Под влиянием левых эсеров первый губернский съезд Советов вынес резолюцию, в которой указывалось, что хотя земство и «ведет борьбу с Советами, не отражает воли населения, не является защитником бедноты, создает двоевластие, но в то же время упразднение земства сразу всюду и везде нецелесообразно» [1].

12 марта 1918 года было созвано губернское земское собрание, на котором открыто прозвучали призывы «Не признавать Советскую власть»[2]. В тот же день губисполком, по предложению большевиков, принял постановление о немедленном роспуске губернского земского собрания и ликвидации земских управ. Земское собрание было распущено, но губернская и городская управы не были ликвидированы. По-прежнему они служили прибежищем для контрреволюционеров.

Приказы Кедрова встречали противодействие со стороны городской думы, городской и губернской управ. Так, городская дума в своем постановлении от 14 июня 1918 года указывала, что: «...штраф, возложенный Ревизией народного комиссара М. С. Кедрова на гласных городской думы и членов городской управы приказом № 72, не имеет за собой законных оснований» [3].

Кедров 15 июня ответил на это заявление приказом «...о роспуске и ликвидации Архангельской городской думы за саботаж декрета Совета Народных

---

[1] Г. Е. Мымрин. За власть Советов. Архангельск, 1958, стр. 129.

[2] Там же.

[3] Сб. докум. «Борьба за установление Советской власти на Севере». Архангельск, 1959.

Комиссаров о прекращении платежей по купонам и дивидендам и как учреждения, враждебного Советской власти». В нем говорилось:

«...Нужна ли пролетариату и беднейшему населению города Архангельска такая, не стоящая за его интересы, а потворствующая капиталистам, соглашательская дума?!..

...Нет, такая дума ему не нужна! И потому я, согласно полномочиям, предоставленным мне Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 мая с. г., распускаю с сего числа настоящий состав гласных Архангельской городской думы без назначения новых выборов и предлагаю губисполкому совместно с финансовой секцией Ревизии приступить в срочном порядке к ликвидации Архангельской городской думы, как учреждения, не соответствующего духу и организации советской власти.

Народный комиссар *М. Кедров*»[1].

Этим приказом Советской ревизии упразднялись Архангельская дума и городская управа. Более 40 гласных городской думы были арестованы 19 июня за злоупотребления и контрреволюционную работу. На буржуазию города налагалась контрибуция. Управление финансами, продовольствием, здравоохранением и другие функции перешли в ведение соответствующих отделов губернского и городского исполкомов. Архангельск почувствовал твердую руку крепнущей Советской власти.

Однако враги ее продолжали антисоветскую дея-

[1] «Известия Арх. СР и СД и Губисполкома», 1918, 16 июня.

тельность. Так, губернский комиссар по продовольствию меньшевик Папилов, используя свое положение, поставлял с помощью частных торговцев остродефицитные продукты на черный рынок. Государственные продовольственные склады без ограничений снабжали буржуазию — и это в то время, когда рабочие не имели основных продуктов питания.

21 июня в Архангельске были арестованы многие меньшевики.

В 1926 году, выступая на торжественном заседании Архангельского горсовета, посвященном шестой годовщине освобождения Севера, секретарь губкома партии С. Тубанов сказал:

«...Коммунистическая фракция не могла в первый период организации Советской власти повернуть руль таким образом, чтобы можно было приступить к немедленному разгону контрреволюционных гнезд, организации хозяйства и вообще к укреплению Советской власти. Этот период слабости и расхлябанности продолжался до июня, т. е. до приезда Комиссии тов. Кедрова и образования в губисполкоме коммунистического большинства после второго губернского съезда Советов».

21 июня был также опубликован приказ М. С. Кедрова, обязывающий все военные комиссариаты Архангельской губернии ускорить работу по собственному формированию. Беломорский окружной комиссариат обязывался немедленно «принять меры для скорейшего окончания формирования военных комиссариатов, организовать гарнизонную и караульную службу в городе Архангельске» [1].

---

[1] Г. Е. Мымрин. За власть Советов. Архангельск, 1958, стр. 131.

Четкое представление о деятельности военной секции «Советской ревизии» по формированию военных комиссариатов и организации частей Красной Армии дает сообщение, опубликованное 2 июля 1918 года в газете «Известия Наркомата по военным делам».

«Деятельность военной секции в гор. Архангельске была направлена к организации военных комиссариатов, которые ко дню прибытия только что возникли, и I Архангельского Советского полка Красной Армии, образовавшегося при военном отделе Совета без соблюдения декретов и штатов и имевшего во главе комитет и из своей же среды выборный командный состав. Неправильности искоренены, непригодный элемент удален из полка. Одновременно приняты меры по приведению в порядок уездных и волостных комиссариатов. Окружной комиссариат и штаб округа ревизия нашла в порядке; обращает на себя внимание некомплект личного состава на ответственных должностях. В последние дни приступлено к ремонту ускоренным порядком казарм и к оборудованию весьма неудовлетворительно содержащегося помещения красноармейцев. Также приступлено к формированию рабочего батальона ополчения Красной Армии, которое предполагается закончить в двухнедельный срок. Во всех отраслях своей деятельности военная секция была принуждена давать руководящие указания и разъяснения, ибо приказы и декреты, исходящие из центра, попадают в округ с громадным запозданием и на местах толкуются произвольно. Как общий недостаток, обращает на себя внимание совершенно недостаточное развитие культурно-просветительной деятельности в частях войск, что сильно затрудняет дело популяризации и формирования Красной Армии.

При содействии Советской ревизии 23 июня был

организован День Красной Армии; в разных местах города прошли митинги, состоялась демонстрация, в которой приняли участие все воинские части и рабочие местных заводов...» [1]

Очень напряженным был день 22 июня — один за другим следовали приказы и распоряжения, направленные на укрепление обороноспособности Архангельского района.

Так, в приказе Кедрова, подписанном 22 июня, читаем:

«1) Командиру минной роты провести следующие мероприятия:

а) немедленно поставить донные мины против южной оконечности острова Мудьюга;

б) подготовить к затоплению баржи на Лапоминском острове;

в) подготовиться к уничтожению створных знаков и вех» [2].

Остров Мудьюг расположен при выходе в Белое море, неподалеку от устья Северной Двины. Установление на острове орудий крупного калибра и минирование ряда водных участков должны были обеспечить контроль над судами, направлявшимися к Архангельску. Значительно позднее выяснилось, что все подготовительные работы по организации обороны Мудьюга и ближайших подступов к Архангельску были проведены вредительски. Как оказалось, командующий северной флотилией, бывший царский адми-

---

[1] «Известия Наркомата по военным делам», 1918, 2 июля.

[2] А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Победа Советской власти на Севере. Архангельск, 1957, стр. 49.

А. А. Самойло.

рал Виккорст пришел на службу в Красную Армию по заданию контрреволюционного «Национального центра» и, находясь в Архангельске, имел связь с интервентами. По его указанию и велись все «оборонительные» работы. Но об этом тогда не знали ни местные власти, ни Советская ревизия.

В тот же день население Архангельского района ознакомилось еще с одним приказом М. С. Кедрова. В нем говорилось:

«Приказываю:

1. Ввести в районе всего Архангельска, порта и города военное положение.

2. Командующим сухопутными и морскими силами в этом районе временно назначаю начальника штаба Беломорского военного округа генерального штаба Самойло, при нем политического комиссара от местного исполкома т. Куликова, кандидата от губисполкома представить мне на утверждение.

3. Командующим флотилией Северного Ледовитого океана назначаю временно начальника военно-морского отдела Целедфлота Виккорста (положение об управлении Балтийским флотом), политическим комиссаром от Целедфлота т. С. Матвеева.

4. Теперь же принять все меры к приведению сухопутных и морских сил в боевую готовность, командующему морскими силами привести в такую же готовность флот и батареи.

Подписал Народный комиссар *Кедров*»[1].

Чуть позднее М. С. Кедров как представитель Центра, облеченный чрезвычайными полномочиями, в самой категорической форме предупреждает союзнические миссии о запрещении иностранным военным кораблям входить в воды Архангельского района.

«...Объявление Английской, Французской и Американской миссиям.

Объявляю, что ввиду известного международного и политического положения прибытие ино-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 741, л. 177, копия.

странного военного судна, в особенности с вооруженной командой, в Архангельск, где в настоящее время сосредоточено огромное количество военного и взрывчатого материала, будет рассматриваться как начало активных действий, которые могут иметь самые тяжелые последствия.

Народный комиссар
Михаил Кедров
Секретарь *Ар. Фраучи...*»[1].

Это предупреждение было направлено миссиям с дополнением от губисполкома за подписями М. С. Новова и С. К. Попова, в котором говорилось:

«Июня 22 дня 1918 года.
Гор. Архангельск.

Прилагая при сем объявление Народного Комиссара Кедрова, президиум Архангельского Губернского Исполнительного Комитета просит все военные суда Вашего государства, находящиеся в настоящее время в районе Архангельского порта, безотлагательно вывести из пределов указанного Архангельского района.

Председатель *Михаил Новов*
Член президиума *С. Попов...*»[2].

Однако эти документы требовали подтверждения Москвы. Надо было также уточнить предел возможных действий против иностранцев. В связи с этим

---

[1] Ар. Фраучи — Артур Артузов, ставший позднее крупным чекистом.

[2] А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Победа Советской власти на Севере. Архангельск, 1957, стр. 50.

военное командование Беломорского военного округа послало телеграмму в адрес В. И. Ленина и Наркомата по военным делам. Телеграмма гласила:

«...г. Архангельск — 27 июня 1918 г.

Согласно приказу наркома Кедрова, «прибытие иностранных военных судов, в особенности с вооруженными командами, в Архангельск будет рассматриваться как приступление к активным действиям, которое будет иметь самые тяжелые последствия».

С целью избежать неправильного толкования названного приказа и тем, по возможности, не возбуждать нежелательного политического конфликта, необходимо точное и определенное ваше указание; возможно ли немедленно объявить иностранным представителям в Архангельске, что подход, повторяю, подход военных судов к Архангельску (т. е. в Двинский залив) запрещается и в случае неисполнения этого открываются боевые действия. Для точного ориентирования вашего доносится, что в самом Архангельске ныне уже находится пришедший свыше месяца назад английский ледокол, приблизительно с таким вооружением, как наши военные ледоколы.

Комиссар *Геккер*
И. д. военрука *Самойло*...» [1]

В составе боеспособных частей Беломорского военного округа наиболее внушительную силу представляли 1-й Архангельский полк (1017 чел.), 1-й социа-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, л. 566, лл. 1—2, копия.

листический полк (633 чел.) и две части красных латышских стрелков (423 чел.). Были и такие подразделения: отряд пограничной охраны с Норвегией — 24 чел.; шесть пехотных полков Костромской дивизии с общим количеством в 127 красноармейцев; артиллерийская бригада — 13 чел. и т. д. [1]

Под руководством большевиков Архангельска в помощь кадровым воинским частям на всех лесопильных заводах создавались отряды Красной гвардии.

В некоторых частях регулярной Красной Армии отмечались настроения анархического толка. Отказ от старой армейской дисциплины не привел многих к признанию необходимости нового революционного порядка и строжайшей сознательной дисциплины.

Первая же попытка сотрудников Советской ревизии наказать виновных в разложении воинской дисциплины вызвала в одном из подразделений недовольство. Осложнения начались с того, что «за халатное отношение к своим обязанностям» был смещен с должности начхоза первого гарнизонного батальона некий Молчанов. Однако он отказался подчиниться приказу и обратился к батальону с призывом восстать против «беззаконий», творимых Советской ревизией [2]. В батальоне начались волнения, в результате чего был задержан прибывший в батальон губернский военком А. Зенькович.

Узнав об этом, Кедров направил в батальон группу ответственных работников своей военной секции с заданием освободить А. Зеньковича и доставить Молчанова в Советскую ревизию.

---

[1] ЦГАСА, ф. 25863, оп. 9, д. 28, л. 49, копия.

[2] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 38.

Приказ Кедрова красноармейцы выполнили, но ультимативно заявили, что если через три часа Молчанов не возвратится, то весь батальон пойдет его выручать.

После разговора с Молчановым Кедров распорядился арестовать его и предать чрезвычайному военно-полевому суду.

В ответ на это батальон выступил с оружием против Советской ревизии. Охрана кедровского поезда — латышские стрелки и сотрудники Советской ревизии — организовали оборону поезда и выставили пулеметы к переправе через Северную Двину. Эти меры вынудили взбунтовавшийся батальон вернуться в казарму.

На следующий день разбиралось дело Молчанова. На заседание суда были приглашены и представители из «молчановского» батальона. В ходе судебного разбирательства никто не сказал ни слова в защиту Молчанова.

Его приговорили к смертной казни, но, «принимая во внимание рабочее происхождение Молчанова, его малограмотность и политическую несознательность, суд постановил: смертную казнь заменить 20 годами тюремного заключения» [1].

Иностранные дипломаты и их агенты не только в Москве (заговор Локкарта), но и во многих других городах Советской России стремились переманить на свою сторону отдельные воинские части и их командный состав. Не составлял исключения и Архангельск. Кедрову стали поступать сведения о готовящейся измене в одной из воинских частей Архангельского гар-

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 39.

низона. Усилили наблюдение. Вскоре удалось не только установить факт готовящейся измены, но и получить документальные доказательства, подтверждающие его. Как же это произошло?

...В архангельской тюрьме сидел английский шпион Масспарт. В одной из разрешенных ему передач с воли при тщательном досмотре были обнаружены деньги и записка, содержание которой говорило о явной измене командира 1-го советского полка Иванова. В этой записке сам Иванов сообщал Масспарту: «Друзья! Мною приняты меры для освобождения вас из тюрьмы. Когда вы выйдете на свободу, в свою очередь помогите и мне выбраться отсюда... Я хочу служить в английских войсках. Командир 1-го советского полка Иванов» [1].

Иванов был немедленно арестован. Предъявленная ему записка Масспарту оказалась решающей уликой. Иванов признался в измене и в желании перейти к англичанам. Изменника приговорили к расстрелу.

Об аресте и вынесенном приговоре узнали руководители иностранных миссий. На прием к М. С. Кедрову в его поезд прибыли английский и французский послы. Оба они, каждый от имени своего правительства, просили Кедрова о помиловании изменника, аргументируя свою просьбу тем, что «Иванов перешел не к врагам России, а к ее союзникам». Тогда Кедров спросил послов, почему их так интересует судьба Иванова, а не судьба членов исполкома и мирных граждан Кеми, которых расстреляли англичане? [2] Не получив вразумительного ответа, Кедров твердо и решительно

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 39.

[2] Там же.

заключил аудиенцию словами: «Для предателей, изменников Родины и шпионов милости нет»[1].

Решение о расстреле Иванова было принято Кедровым не без некоторых душевных колебаний. Вспоминая позднее об этом, Кедров рассказывал: «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили лишь орудием в руках других. Тем не менее я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?»[2]

Однако эти раздумья привели Кедрова к утверждению, что снисхождение к врагам недопустимо, что мягкость по отношению к ним — начало гибели молодой, еще не окрепшей Советской власти. Исторический опыт и уроки Парижской коммуны говорили о том же.

Значительно позднее, в 1926 году, активный участник борьбы за Советскую власть в Архангельске А. Метелев, оценивая деятельность Советской ревизии, писал:

> «Во многом нам помогла комиссия тов. Кедрова... спутала первоначальные союзнические планы захвата Архангельска... Не будь этой комиссии, Архангельск пал бы, по крайней мере, месяцем или полтора раньше»[3].

...Июль 1918 года... Именно об этом летнем месяце в

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 40.

[2] Там же.

[3] «Пролетарская революция», № 2, 1926, стр. 69—70.

одном из своих выступлений Владимир Ильич Ленин сказал: «...Как раз в июле 1918 года тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики...»[1] И это было так: захвачен бывшими союзниками Мурман, на очереди — Архангельск, заговор послов в Вологде, открытые контрреволюционные восстания в Ярославле и Муроме. И все это лишь на одном северном направлении. Не легче было положение и на других фронтах.

В. И. Ленин в одном из своих выступлений 8 марта 1918 года на VII экстренном съезде РКП(б) уже предупреждал о планах интервентов; он сказал: «...Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно...»[2]. Ленин и позднее считал Северный фронт «...особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу...»[3]

А в распоряжении представителя Центра на Севере Кедрова было лишь 30 латышских стрелков. Правда, в начале августа, когда развернулись боевые действия, советские войска, подчиненные Кедрову, насчитывали уже около 2000 штыков[4].

28 июля, за несколько дней до падения Архангельска, Кедров выехал в Москву к Ленину для личного доклада. Надо было рассказать Ильичу об окончании эвакуации многих миллионов пудов взрывчатки из Архангельска, о выезде послов, о случаях измены, о необходимости посылки войск. Описание этой встречи сохранилось в записи М. С. Кедрова:

---

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 39, стр. 30.
[2] Там же. Т. 36, стр. 38.
[3] Там же. Т. 39, стр. 240.
[4] А. Самойло. Две жизни. М., 1958, стр. 223.

«На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочитать и указание на то, что не все сделано, как надо, совет и наставление для будущего...

...Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через 2—3 дня выехал в Архангельск.

И находясь в пути на Архангельск, и участвуя в первых стычках с вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями» [1].

30 июля Кедров выехал из Москвы. Задержался в Вологде чуть более суток. На совещании с местными руководителями обговорил конкретные действия по укреплению положения в городе. Объявил осадное положение на железнодорожном участке Вологда — Архангельск. Пассажирское движение на нем было прекращено.

Вечером 1 августа кедровский поезд, получив «зеленую улицу», двинулся к Архангельску. Обгоняя его, ушла в Архангельск телеграмма:

---

[1] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 55—56.

«Защищайте город до последней возможности, ждите нашего поезда»[1].

Проезжая Сухону, Кедров послал телеграмму:

«Москва Ленину Свердлову Чичерину... Вологде объявили осадное положение связи событиями. На основании последнего предложено посольским секретарям там и консульствам двадцать четыре часа выехать Москву... Необходимы подкрепления еду Архангельск 235 *Кедров*»[2].

В Архангельск интервенты вошли 2 августа.

Вскоре в Москву была отправлена более конкретная телеграмма:

«Для обороны против английского десанта необходимо немедленно двинуть на ст. Обозерская 1500 штыков. Противник находится менее ста верст от железнодорожной линии. Необходимы подрывная команда и материалы. *Кедров*»[3].

В ночь на 3 августа поезд прибыл на станцию Тундра, что в 40 километрах от Архангельска, а 4 августа Ленин, не выпуская из-под личного контроля продвижение кедровского поезда на север, телеграфировал Вологодскому губисполкому:

«...Прошу строго следить за связью со станциями по пути к Архангельску, ежедневно сообщать, с какой последней станцией есть связь. Поддерживайте регулярнейшую связь с нами и извещайте меня подробнее. *Ленин*»[4].

---

[1] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 55—56.
[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 24, л. 112.
[3] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963.
[4] В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 50, стр. 136.

Обстановка на станции Тундра к моменту приезда М. С. Кедрова принимала угрожающий характер. Участник этих событий И. В. Викторов вспоминает:

«На станции Тундра творилось что-то неописуемое. Здесь скопилось большое количество разных воинских частей, отступивших из Архангельска. Повсюду митинговали, спорили, кричали, осаждали начальника станции разными вопросами относительно отправки поездов. На путях стояли пять паровозов, но все без топлива. На эти пять паровозов я был единственным паровозником — и то лишь только помощником машиниста.

Изредка где-то в стороне слышны были ружейные выстрелы, служившие как бы аккомпанементом тому полнейшему хаосу, неразберихе, беспорядку и неорганизованности, которые царили на станции. Некоторые командиры отрядов из числа офицеров царской армии склоняли солдат на то, чтобы не оказывать сопротивления вступившим на нашу землю иностранным оккупантам. Часть несознательных латышских стрелков, самовольно бросивших защиту Архангельска и прибывших на станцию Тундра с последними эшелонами воинских частей, под влиянием агитации эсеров, меньшевиков и контрреволюционеров не хотела вставать на защиту молодой республики и требовала отправки их дальше в тыл. Другая же, бо́льшая часть бойцов, видя, что иностранные войска и белогвардейцы свободно и беспрепятственно занимают нашу землю, была полна решимости идти в бой на врага...

...Кедров быстро навел порядок и дисципли-

ну среди всех скопившихся на станции воинских частей. А когда двое предателей из числа особо рьяно призывавших не оказывать сопротивления «союзникам» были тут же на виду у всех расстреляны, то охотников агитировать за возвращение «домой» сразу не стало. Любители горячих выступлений в защиту «союзников» сразу остыли» [1].

Михаилу Кедрову с группой ответственных сотрудников Советской ревизии удалось в считанные часы организовать отряд, способный дать первый отпор интервентам. Ядро этого отряда составили латышские стрелки из охраны кедровского поезда и сотрудники Ревизии. В отряд вошли также многие красноармейцы, прибывшие из Архангельска. Командиром отряда был назначен А. В. Эйдук, ближайший помощник Кедрова.

Тут же, по указанию Кедрова, из архангельских железнодорожников-добровольцев был создан отряд, в задачу которого входило начать партизанскую войну против интервентов. Возглавил его руководитель большевиков архангельского железнодорожного узла Ф. А. Луков.

Не теряя времени, отряд Эйдука погрузился в вагоны — и поезд пошел к Архангельску. С отрядом поехал и Михаил Кедров. Нужно было получить точные данные о действиях интервентов и попытаться выбить белогвардейцев из Исакогорки, чтобы подойти ближе к Архангельску.

В пути Кедров получил запрос Ленина, передан-

[1] И. В. Викторов. На железнодорожном направлении. Архангельск, 1960, стр. 14—16.

ный по телеграфу В. Д. Бонч-Бруевичем. Владимир Ильич запрашивал, закрыто ли устье Двины, возможно ли наступление по Двине, а также, выведены ли пароходы с Северной Двины[1]. Данных для ответа у Кедрова еще не было, и он сообщил Москве, что «поезд продолжает путь, с тем, чтобы прежде всего приостановить паническое бегство из Архангельска, а также попытаться вернуть Архангельск»[2].

Однако, пройдя 26 километров, поезд был вынужден остановиться — развороченный путь и два сваленных паровоза преградили ему дорогу. Один из паровозов был еще под парами — значит диверсанты не могли далеко уйти. Начались поиски, и вскоре красноармейцы поймали врага. Им оказался начальник отделения службы движения Северной дороги, инженер Митропольский. Преступника тут же расстреляли. В Москву полетела очередная информация:

> «Недоезжая 3-х верст до Исакогорки разрушен путь. Нами производится разведка, начинаем наступление. 261. *Кедров*»[3].

Отряд продолжал путь пешком, но оказался слишком малочисленным для открытия боевых действий. И отряд, и поезд Кедрова отошли к станции Обозерская. Однако, начав продвижение на юг, противник тут же почувствовал, что путь на Вологду перекрыт и по железной дороге, и по Северной Двине. К счастью, интервенты не располагали тогда точными данными о численном составе советских войск, принимавших

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 48.

[2] Там же.

[3] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 24, л. 116.

участие в первых боях. Но главное было в том, что «В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранена»[1].

Это, однако, не помешало появлению в одной из белогвардейских газет статейки под бравурным заголовком «Гром победы, раздавайся!» В ней сообщалось, что «немецкие войска, предводительствуемые Кедровым, разбиты наголову 3 августа в Исакогорке, и пятки их уже сверкают в Вологде»[2].

В ответ на это М. С. Кедров обратился к населению Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний со следующим воззванием:

> «Наши бывшие союзники англичане, французы и американцы, которые так много говорят о своей любви и дружбе к русскому народу, проявили теперь воочию свое действительное лицо: они коварно захватили Архангельск, бомбардировав подступы к нему, и вместо хлеба мы получаем от них зажигательные бомбы с их аэропланов, вместо мануфактуры — свинец в виде разрывных пуль из их ружей и пулеметов. Свою мнимую любовь они заменили бешеной ненавистью к русскому народу...
>
> Всего у них вдоволь: и пушек, и снарядов, и денег. Но мало людей. За ними они пришли в Советскую Россию, определенно заявившую, что она не хочет войны ни с кем и стремится жить со всеми народами в мире и дружбе, т. к. нет у

---

[1] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 56.

[2] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 52.

крестьян и рабочих другого врага, кроме кулаков и богачей.

И будут подкупать вас деньгами и, как наемных убийц, гнать не против немцев и турок, а против своих же родных братьев.

Мы временно отступаем перед их крейсерами и дальнобойными орудиями. Но мы придем, неизбежно придем, ибо нет той силы, которая могла бы сокрушить власть миллионов рабочих и крестьян.

Настал решительный час. Всякий, в ком не остыла душа и не зачерствело сердце, пусть делает все, чтобы сокрушить иноземных насильников.

С оружием в руках идите в наши ряды, образовывайте партизанские дружины, связывайтесь между собою и Красной Армией, ловите и уничтожайте шпионов. Преграждайте любыми способами путь врагу. Ставьте тысячи всевозможных препятствий в каждом его передвижении, сжигайте мосты, через которые пытается он перейти, портите железнодорожные пути и дороги, по которым он движется.

Пусть пожаром будет объято все то, к чему он будет протягивать руки. Пусть тысячи глаз следят за каждым его движением. Пусть на каждом шагу его ждет засада и смерть.

Пусть все мужчины и женщины превратятся в беспощадных мстителей, истребляющих огнем и мечом своих угнетателей.

Беспощадная смерть им!

Нарком *М. Кедров*»[1].

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М. 1956, стр. 50—51.

Организовав оборонительные работы на подступах к станции Обозерская, Кедров сформировал фронтовое управление и штаб. Начальником штаба он назначил бывшего царского генерала А. А. Самойло, который одним из первых среди крупных военных специалистов связал свою судьбу с Советской властью. Начальником оперативного отдела назначался бывший офицер генштаба Лисовский. Знакомясь с первыми наметками организации обороны, с данными о снаряжении, боеприпасах и продуктах питания, Кедров остро чувствовал угрозу развала только что созданного Северного фронта. Не было ни боеприпасов, ни продовольствия.

Остроту положения характеризует телеграмма, посланная из Обозерской 6 августа в Москву, Петроград, Вологду:

> «За все время получена батарея артиллерии двести пятьдесят человек пехоты... Настоящая наличность войск в районе Обозерской может повлечь собой оставление района желдор на значительное расстояние приведет катастрофе. Требуется немедленно присылка подкрепления Вологда ничего дать не может. *Кедров*»[1].

Однако телеграммы не имели действия. Довольствующие управления саботировали снабжение[2]. Надо было немедленно ехать в Москву, к Ильичу, добиться всего необходимого. Это решение созрело мгновенно. Мысль о том, что оставить фронт без личного контроля нельзя, что от Москвы нет разрешения на выезд,

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 37, л. 50.

[2] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1957, стр. 85.

отошла как-то на второй план. Нужны были боеприпасы, продовольствие, люди, и как можно скорее.

«Паровоз с единственным нашим вагоном, — вспоминал Кедров, — бешено мчался в Москву. Ни раньше, ни позже не приходилось ездить с такой головокружительной быстротой. На одной из станций поезд был пущен по неправильному пути. Только благодаря находчивости дежурного по станции не произошло катастрофы.

Остановки имели место лишь по техническим надобностям. Дольше всего пришлось задержаться в Вологде для заслушивания доклада тов. Геккера и начальника военного контроля, которому поручено использовать недавно приобретенные сведения нашей контрразведки.

Сведения, собранные на Мурмане в последних числах июня, разоблачили замыслы «союзников», которые строились ими в связи с интервенцией. В отношении Архангельска можно было уже определенно сказать, что их расчеты оправдались. Что же касается Вологды, то преграда, встреченная ими на пути из Архангельска в Вологду, и своевременное раскрытие их карт расстроили их расчеты»[1].

Рано утром, видимо, 8 августа, прямо с вокзала Кедров вместе с Эйдуком явились в Кремль.

«Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень гневно,— вспоминал Кедров.— Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

—Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

— Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться.

---

[1] Этапы большого пути. М., 1963, стр. 273.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, да еще его с собой прихватили, — указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич.

— Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел натворят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перевести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдавшийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем... Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Владимир Ильич нагнулся к столу и написал предписание Высшему Военному Совету[1].

Прямо на докладной, подписанной Эйдуком, Ленин написал:

Немедленно дать просимое;
сегодня же отправить из Москвы;
дать мне тотчас *имена* 6 генералов (бывших) и адреса и 12 офицеров генштаба (бывших), отве-

[1] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1957, стр. 85.

чающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят.

М. Д. Бонч-Бруевич должен мне письменно тотчас через самокатчика ответить на это.

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*»[1].

С резолюцией Ленина Кедров отправился в Высший Военный Совет и вручил ее по назначению.

«Точно бомба взорвалась, — записал потом Кедров, — все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 час. ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны.

К указанному мне времени я приехал в Совет. Заседание уже началось. Ввиду срочности моего выезда, наш вопрос был поставлен первым...

Председательствующий Э. М. Склянский обратился ко мне со своей обычной улыбочкой:

— Михаил Сергеевич! Мы собираемся назначить вас командующим фронтом. Как вы на это смотрите?

Я сказал, что не хотел бы принимать фронт...

...Из дальнейшего разговора я понял, что вопрос о моем назначении согласован с тов. Лениным, и более не возражал. Поддержка мне будет оказана...

...В полночь мы были на Северном вокзале. В вагоне ожидали ответственные работники, а также «заложники» довольствующих управлений»[2].

С дороги Кедров отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что несмотря на мощную его поддержку и на исключительную энергию и скорость,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, стр. 141.

[2] Этапы большого пути. М., 1963. стр. 279.

«удалось получить только небольшую часть нужного и что если бы я не выехал, фронт не имел бы ничего» [1]. Через два дня, 12 августа, Кедров получил ответ:

Секретная

«Вологда
Губисполком, Кедрову.

Вред Вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь Вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало.

Предсовнаркома *Ленин*» [2].

Решение о выезде в Москву было принято Кедровым, видимо, без полного учета возможных последствий. Надо было восстанавливать упущенное.

Как показало дальнейшее развитие событий, это ленинское указание было выполнено Кедровым успешно.

Ленин очень быстро реагировал на сообщения, поступавшие с линии фронта. 13 августа Ильич получил из Вологды телеграмму:

«г. Вологда. **13 августа 1918 г.**

Наш отряд судов под командой товарища председателя Архангельского губисполкома Павлина Виноградова встретился с превосходящими силами противника в устье Ваги и нанес противнику поражение. Из пяти неприятельских судов судно

[1] Этапы большого пути. М., 1963, стр. 279.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, стр. 147.

«Заря» взято нами в плен со всеми припасами и грузами и четырьмя пулеметами. Наши потери: один убит, 11 ранено, в том числе член Архангельского губисполкома Щенников, выпущено 500 снарядов. Мины и гидропланы пока что не получены.

Кедров»[1].

На телеграмме Ильич написал: «В печать. Крупная победа над англичанами и белогвардейской сволочью»[2].

9 августа 1918 года Военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич и начальник оперативного отдела наркомвоена С. И. Аралов именем Председателя Совнаркома разослали ряд телеграмм. Частое повторение в телеграммах слов: «...немедленно... обязательно... вне очереди... безотлагательно... экстренно...» подчеркивает, насколько серьезно относился В. И. Ленин к вопросам снабжения и оснащения всем необходимым войск Северного фронта. Вот эти телеграммы [3].

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича в автомобильный отдел ВСНХ об отправке в Вологду автомашин с шоферами:

«№ 4218 **9 августа (1918 г.).**

Председатель Совнаркома приказал немедленно отправить (в) Вологду (в) распоряжение Военного руководителя Архангельского района и Наркома Кедрова пять легковых автомобилей Форд (с) шоферами, десять грузовиков (с) шофе-

---

[1] Сб. «Северный фронт (1918—1920 гг.)». М., 1961, стр. 108.

[2] Там же.

[3] Приводимые ниже телеграммы и донесения были опубликованы в газете «Правда Севера» от 21 февраля 1963 г.

рами и тридцать мотоциклов (с) шоферами. Погрузка (—) Ярославский вокзал обязательно сегодня, девятого августа.

Исполнение донесите Председателю Совнаркома Ленину и сообщите Высшему Военному Совету.

Военный руководитель
Высшего Военного Совета
Бонч-Бруевич».

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича в Калугу Военсовету Западного участка:

«Москва, № 4226, 9 августа (1918 г.) 20 часов.

По приказанию Председателя Совнаркома экстренно вне очереди отправить в Вологду (в) распоряжение Наркома Кедрова один эскадрон из войск Смоленского района и (об) исполнении телеграфировать. *Бонч-Бруевич».*

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича Военному Совету Петроградского района:

«№ 4229. 9 августа (1918 г.).

Ввиду приказания Председателя Совнаркома Ленина об экстренном отправлении в Вологду в распоряжение Наркома Кедрова поезда-мастерской, прошу (в) случае неимения серьезных возражений немедленно отправить с Мурманской жел(езной) дороги первый железнодорожный подрывной отряд-поезд тов. Шаповалова и о времени отправления телеграфировать. *Бонч-Бруевич».*

Телеграмма Аралова московскому окрвоенкому:

№ 02100 9 августа (1918 г.).

Один из легких дивизионов, предназначенных для посылки на Восточный фронт, немедленно по приказанию Председателя Совнаркома тов. Ленина направьте в Вологду (в) распоряжение Наркома Кедрова. Об исполнении донесите. *Аралов*».

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича военкому Петрограда Б. П. Позерну об отправке в Вологду отряда матросов:

«г. Москва № 4272 10 августа 1918 г.

Прошу срочно сообщить для доклада Председателю Совнаркома Ленину (—) сделаны ли распоряжения о безотлагательном сегодня же отправлении согласно телеграмме т. Аралова на Вологду отряда матросов, предназначаемых (в) распоряжение Наркома Кедрова, когда сегодня этот отряд отправляется и кто отвечает за своевременную их отправку и какова организация этого отряда. *Бонч-Бруевич*».

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича Наркому путей сообщения В. И. Невскому и начальнику военных сообщений при Высшем Военном Совете Загю:

«Москва № 4327 12 августа 1918 г.

Председатель Совнаркома требует беззамедлительно немедленного продвижения всех эшелонов, направленных из Петрограда в Вологду. Сообщите Председателю Совнаркома и Высш(ему) В(оенному) Совету, где находится каждый на-

правленный из Петрограда в Вологду, и примите все зависящие от Вас меры, чтобы войсковые части, гидропланы и артиллерия двигалась без потери времени по назначению в Вологду.

Бонч-Бруевич».

15 августа 1918 года начальник военных сообщений при Высшем Военном Совете докладывал М. Д. Бонч-Бруевичу:

«Докладываю о положении перевозки по особому наряду Председателя (в) Вологду 12 августа в 23 часа 30 минут. Второе, отряд гидроаэропланов отправлен из Петрограда 13 августа. Третье, пехотный отряд, по-видимому, также отправлен; точное время отправления выясняется Начвосокром. Четвертое, эскадрон кавалерии в Орше на погрузку не прибыл, подвижной состав ожидает прибытия эскадрона с 14 часов 11 августа. Пятое, часть технического отряда в составе 24 вагонов отправлена 13 августа, остальная (часть) должна отправиться около полуночи с 14 августа на 15 августа.

Начсовет *Загю.* Военкомиссар *Князев*»[1].

Предупреждающе и твердо звучат телеграммы Ленина, отправленные в те дни:

«9VII.

Вологда
Губисполком Метелеву
Копия Саммеру и Элиаве

Ехать в Москву для доклада не надо. Необходимо оставаться в Вологде и напрячь все силы

[1] «Правда Севера», 1968, 30 ноября.

для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейцами, явно готовящими измену в Вологде, и для подготовки защиты.

Ложь про Архангельск опровергайте письменно.

Предсовнаркома *Ленин*»[1].

«11. VIII. 1918 г.
Вологда, губисполкому
Копия Кедрову

Необходимо немедленно мобилизовать буржуазию рыть окопы и вообще двинуть с максимальной энергией фортификационные работы. Телеграфируйте исполнение. Шлите с надежнейшим человеком подробные данные и отчеты о ходе этих неотложных работ.

Предсовнаркома *Ленин*»[2].

Получив эту телеграмму, командующий Северным фронтом немедленно издал приказ о мобилизации буржуазии. Он начинался политической характеристикой русской буржуазии и ее позиций:

«В то время, как пролетариат ценою своей жизни и крови отстаивает каждую пядь Социалистического отечества, буржуазия продолжает почивать на лаврах ранее награбленного ею, путем эксплуатации рабочего класса добра, пользуясь тем, что пролетариат не может дать ей в руки

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, стр. 143.
[2] Там же, стр. 147.

оружия, которое она не преминет обратить против него самого, а не против наступающего врага...

...Поэтому я объявляю в городе Вологде и уездах Вологодской губернии мобилизацию буржуазии для рытья окопов и прочих фортификационных работ... Мобилизацию буржуазии произвести в 3-х дневный срок. Командующий *М. Кедров*»[1].

В приказе отмечалось, что «... для мобилизованной буржуазии, как недостойной пользоваться правами, добытыми в борьбе эксплуатировавшимся ею пролетариатом, право на 8-ми часовой рабочий день не применять»[2].

В очередном приказе Кедрова от 12 августа 1918 года четко определено, кто подпадает под понятие «буржуазия» и подлежит мобилизации. «Призыву мобилизации подлежит все мужское население буржуазии г. Вологды в возрасте от 17 до 45 лет.

Под рубрику буржуазии подходят:

1) Все бывшие офицеры, чиновники военного времени и военные чиновники, не состоящие на службе в советских учреждениях.

2) Фабриканты, заводчики, лесопромышленники и проч., купцы, имеющие свои торговли, и домовладельцы.

3) Все лица, не состоящие в профессиональных союзах и не служащие в советских учреждениях.

4) Все лица, живущие эксплуатацией чужого труда или своих капиталов и наследий.

Примечание. От призыва освобождается белое и черное духовенство...

---

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, ед. хр. 27, л. 29.

[2] Там же.

Лица, уклоняющиеся от явки, будут предаваться революционному суду военного времени»[1].

Обращает на себя внимание примечание о белом и черном духовенстве. Несмотря на то, что значительная часть духовенства выступала против Советской власти, приказ освобождал от мобилизации священнослужителей. Советская власть, отделив церковь от государства, не преследовала религии, не притесняла служителей религиозного культа.

Иностранные интервенты и белогвардейские стратеги планировали соединение своих частей Северного фронта с войсками Колчака в районе Вятки. В связи с этим М. С. Кедров отдал распоряжение провести мобилизацию буржуазии и в Вятке. В Центральном Государственном архиве Советской Армии сохранилась копия кедровской телеграммы, направленной в адрес Вятского губисполкома. Повторяя основные положения приказов по Вологде, эта телеграмма уточняла некоторые организационные моменты. В ней, в частности, предлагалось:

«...подыскать инструкторов-надсмотрщиков из деревенской бедноты, бывшей на фронте, выплачивая им жалованье по 450 рублей при готовой квартире...

...принять меры к предупреждению бегства буржуазии.

...Всех уклоняющихся от мобилизации привлекать к наказанию вплоть до расстрела»[2].

Многие представители буржуазии пытались укрыться от мобилизации, прибегая к различного рода уловкам. 15 августа 1918 года одновременно с приказом о последнем дне мобилизации по Вологде М. С. Кедров опубликовал следующее обращение:

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, ед. хр. 27, л. 30.
[2] Там же, лл. 32—33.

«Товарищи рабочие и все трудящиеся!

Вы знаете, что буржуазия уклоняется от мобилизации и прячется: одни сидят у себя дома или у своих друзей и не являются на сборные пункты, другие покидают город и бегут в места более безопасные, надеясь, что скоро пройдет это тяжелое для них время, и они вновь будут свободны от всякого труда и обязанностей.

Вы знаете, трудящиеся, что укрывающаяся от мобилизации буржуазия будет всячески подрывать Вашу власть, власть рабочих и беднейших крестьян. Поэтому всякий сознательный рабочий обязан о всех известных ему уклонившихся от мобилизации и скрывающихся лицах сообщить мобилизационной комиссии...»[1].

В эти же дни Владимир Ильич командирует в распоряжение Кедрова двух ответственных товарищей — Уралова и Ногтева. В письме, написанном им лично, Ленин рекомендует товарищей и сообщает, что в их задачу входит «произвести подготовительные меры к взрыву котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту»[2].

Котлас, стратегически важный пункт, превращенный в хранилище огромных запасов взрывчатых веществ, вызывал особую тревогу В. И. Ленина. 29 августа 1918 года он пишет в Московский военный округ:

«Тов. Муралов!

Окажите, пожалуйста, содействие подателю, т. Малышеву, который организует снабжение подрывным материалом для группы, едущей в Котлас. *Дело архиспешное...*

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, ед. хр. 27, л. 34.

[2] Сб. «Северный фронт (1918—1920 гг.)». М., 1961, стр. 103.

...Надо еще дать телеграмму в Курск для вызова товарища *Соболева*, инструктора по подрывному делу.

Группе подрывников нужен один вагон (скорый) до Котласа.

Пред. СНК *Ленин*» [1].

В это же время Владимир Ильич приказывает командующему Московским военным округом «разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение тов. Кедрова...

...— Вы отвечаете за это своей головой» [2], — предупреждал Ильич.

Кедров твердо проводил в жизнь указания Ленина. Это не нравилось некоторым вологодским руководителям, и они послали в Москву жалобу о том, что «благодаря кедровщине в Вологде вспыхнет восстание», которое им, якобы, удавалось до сих пор предупреждать»[3].

В действительности же именно после раскрытия сотрудниками Кедрова отдельных звеньев контрреволюционной организации «Союз возрождения России», руководство «Союза», как писал один из его руководителей В. И. Игнатьев, приняло решение «выступление в Вологде не организовывать, работу в ней «Союза возрождения ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова» [4].

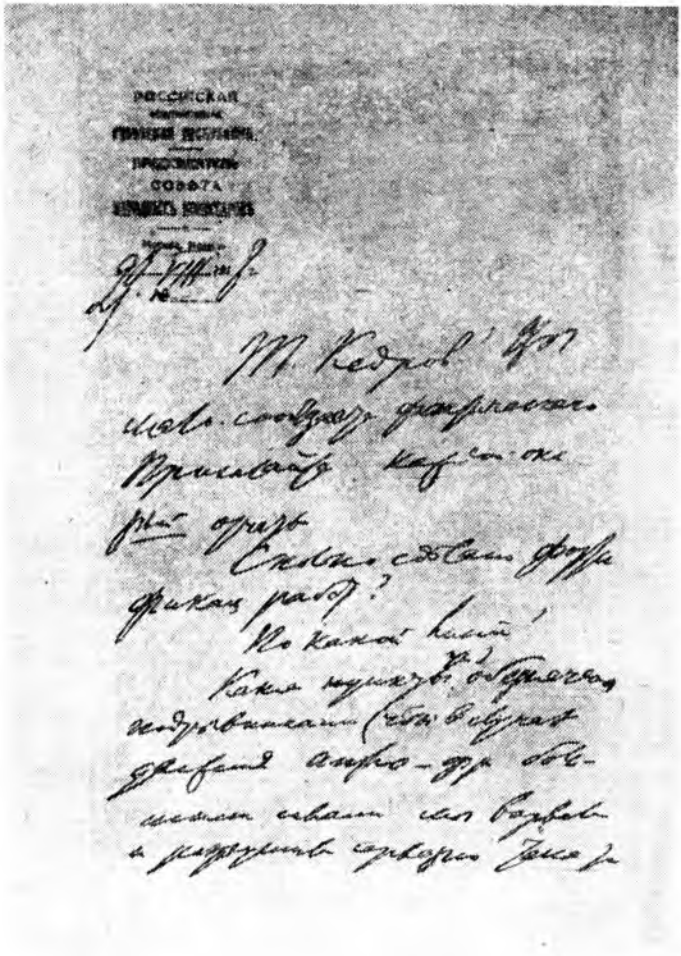
---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, стр. 175.

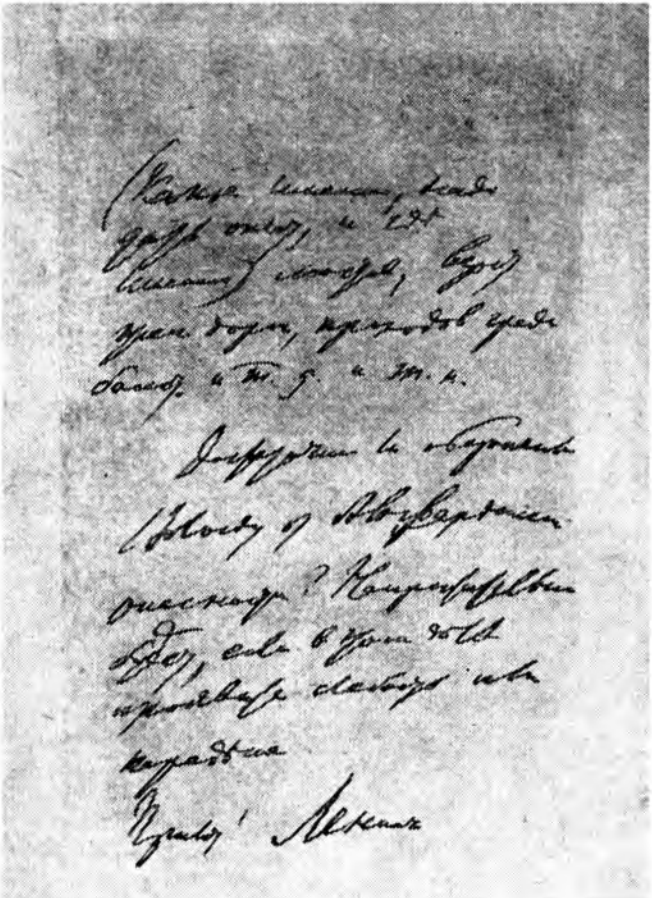
[2] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 59.

[3] Там же, стр. 60.

[4] В. И. Игнатьев. Некоторые факты и итоги 4-х лет гражданской войны. М., 1922, стр. 17.



Телеграмма В. И. Ленина М. С. Кедрову, 29.VIII.1918 г.



29 августа Ленин послал Кедрову письмо, в заключение которого, как бы отвечая на жалобу вологжан, подтвердил необходимость жестких мер:

«М. С. Кедрову
29. VIII. 1918 г.

т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте *с каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ? По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно* **такое-то** (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет!
Ленин»[1].

В своих очерках «Из красной тетради об Ильиче», говоря о тяжелых месяцах 1918 года, Кедров писал:

«Считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых шагах парализовать наступление превосходного и по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом же прежде всего заслуга ЦК нашей пар-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр ссч. Т. 50, стр. 172.

тии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука великого кормчего вела Советский корабль к намеченной цели»[1].

Северный фронт день за днем усиливал сопротивление интервентам и белогвардейским войскам. Непрекращающаяся забота В. И. Ленина о судьбах этого фронта позволила частям Красной Армии успешно провести крупные операции, измотавшие противника. Среди войск интервентов началось разложение. Правительства держав Антанты стали готовиться к их эвакуации. Поражение внешней и внутренней контрреволюции на Севере было фактически предрешено.

«...На Северном фронте, — сказал в октябре 1919 года Владимир Ильич, выступая перед слушателями Свердловского университета,— где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было неимоверно трудно бороться... как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно»[2].

Подготовленное в январе 1920 года решительное наступление Красной Армии сокрушило врага. 21 февраля 1920 года Архангельск вновь стал советским.

С июля 1918 года для усиления борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии начали создаваться фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии. Однако их работа осложнялась существованием на

---

[1] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 60.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, стр. 240.

всех фронтах и в ряде крупных стратегических пунктов отделений Военного контроля, созданных в мае 1918 года. Их задача состояла в том, чтобы бороться со шпионажем в системе военного ведомства.

По указанию Троцкого, возглавлявшего в то время военное ведомство, аппарат Военконтроля комплектовался из так называемых «опытных людей», как правило, не внушающих политического доверия[1]. Среди уполномоченных Военконтроля то и дело обнаруживались изменники, взяточники и расхитители.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия не раз ставила вопрос о Военконтроле, как о гнезде шпионажа и контрреволюции в армии, но Троцкий делал все для того, чтобы изолировать и оградить Военконтроль от влияния и наблюдения чекистов»[2].

Осенью 1918 года чекистам удалось раскрыть действующую в Вологодском отделе Военконтроля белогвардейскую организацию, связанную с «Союзом возрождения России». Эта организация занималась шпионажем в пользу англичан, а также вербовала и перебрасывала в Архангельск через линию фронта офицеров на пополнение белых войск. По этому делу было расстреляно 20 служащих Вологодского отдела Военконтроля из числа бывших офицеров[3].

По предложению В. И. Ленина вся система Военконтроля была подвергнута строгой ревизии. Специальная комиссия под председательством Ф. Э. Дзержинского предложила вместо существовавших Военного отдела ВЧК (зав. отделом М. С. Кедров) и

[1] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 126.
[2] Там же, стр. 127.
[3] Там же, стр. 129.

Военконтроля создать Особый отдел ВЧК, организационно подчиненный только ВЧК, но выполняющий также задания и Реввоенсовета. ЦК партии одобрил предложения Комиссии[1]. Первого января 1919 г. совместным постановлением ВЧК и Реввоенсовета Республики был образован Особый отдел ВЧК. Его первым председателем был назначен член коллегии ВЧК М. С. Кедров.

В условиях гражданской войны, экономической разрухи и голода особенно серьезной становилась проблема улучшения медико-санитарного состояния республики.

В начале 1919 года Главным Санитарным Управлением был издан и затем подтвержден вторично приказ о мобилизации медперсонала. Многие врачи, поступаясь долгом врача, всячески уклонялись от мобилизации.

«Тогда же выяснилась и причина этого явления;— сообщает М. С. Кедров, занимавшийся этим вопросом,— высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии, за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский помощник... такой-то признан вовсе негодным для военной службы, фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей...»[2]

Создавалось катастрофическое положение. В реше-

[1] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 129.

[2] «Пролетарская революция». № 1(60), 1927, стр. 64.

е этого вопроса вмешался лично В. И. Ленин. По
о предложению переосвидетельствование всего мед-
рсонала было возложено Советом РК Обороны на
ециальную комиссию, образованную при Особом от-
ле ВЧК. Председателем ее назначался М. С. Кед-
в.

Владимир Ильич дал Кедрову указания о том, как
ювести всю эту операцию. Они сводились к следую-
ему: «Не ограничиваться одним переосвидетельство-
нием, но проверять и своевременное назначение
авсанупром признанных здоровыми, а также про-
едить отбытие и прибытие их на фронт. Беспощад-
расправляться с дезертирами. О ходе работ регу-
рно представлять ему отчет»[1].

Поначалу кедровской комиссии пришлось прибе-
ать к исключительно строгим мерам. «Первые груп-
ы медперсонала доставлялись на вокзалы под спе-
иальным контролем, на который возлагалась обязан-
ость посадки отправляемых в вагоны и окарауливa-
ия их вплоть до отхода поезда»[2].

В феврале 1919 года особым декретом ВЦИК были
чреждены лагеря принудительных работ, первона-
альная организация и заведование которыми также
озлагались на организации ЧК.

Трудовые лагеря должны были служить для
ременной изоляции ненадежных, политически сомни-
ельных элементов, которые могли в удобный для них
момент нанести Советской власти удар в спину.

Первым заведующим этих лагерей стал Михаил
Сергеевич Кедров.

---

[1] «Пролетарская революция». № 1(60), 1927, стр. 65.
[2] Там же, стр. 65.

Советское правительство, справедливо и строго карая врагов революции и их пособников, принимало во внимание тот факт, что отдельные группы рабочих и крестьян были втянуты в открытые контрреволюционные выступления в силу их малой сознательности. Их следовало выявить и пересмотреть дела тех, чье освобождение не представляло опасности для республики.

Аппарат ЧК справился с этой трудной задачей. 25 апреля 1919 года ВЦИК по личной инициативе В. И. Ленина вынес постановление освободить из заключения некоторых арестованных и осужденных [1].

Организация всей подготовительной работы по проведению в жизнь этого постановления ВЦИК возглавлялась некоторое время М. С. Кедровым, продолжавшим в то же время свою основную деятельность на посту председателя Особого отдела ВЧК (с марта 1919 года Кедров по совместительству был членом коллегии НКВД).

К этому времени за Особым отделом ВЧК сохранилось «Общее руководство работой особых отделов фронтов и армий, а также контроль над их деятельностью» [2].

Исключительная важность задач, поставленных перед Особым отделом ВЧК и его фронтовыми и армейскими отделами, требовала усиления партийного руководства всей системой особых отделов и более оперативного решения многих текущих вопросов.

В связи с этим 3 мая 1919 года на заседании Организационного бюро ЦК партии, в котором приняли

---

[1] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 143.

[2] Там же, стр. 153.

частие тт. Сталин, Стасова, Новгородцева, Дзержинский и др., тов. Дзержинский внес предложение установить порядок, при котором «представитель особого отдела ВЧК еженедельно делал доклады члену ЦК Сталину для доклада Оргбюро или непосредственно Оргбюро [1].

В п. 7 постановления Оргбюро ЦК партии от 3 мая 919 года записано: «Принято и постановлено известить об этом тов. Кедрова» [2].

28 мая 1919 года состоялось совместное заседание коллегии ВЧК, МЧК, представителей партийных организаций и НКВД по вопросам о создании единого штаба борьбы с контрреволюцией в Москве. В работе этого совещания участвовал и М. С. Кедров [3].

К этому времени предельно обострилась обстановка в районе Петрограда, на захват которого были направлены все помыслы и действия врагов революции, внешних и внутренних. В ночь на 13 мая 1919 года белогвардейские войска генералов Юденича и Родзянко, войдя в прорыв на Нарвском участке фронта, устремились к Петрограду.

31 мая было опубликовано обращение Совета Рабоче-Крестьянской Обороны «Берегитесь шпионов!», подписанное В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским. В обращении говорилось:

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых

---

[1] Сб. докум. «Из истории ВЧК». М., 1958, стр. 280.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же, стр. 286.

есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...

...Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны *В. Ульянов (Ленин)* Наркомвнудел *Ф. Дзержинский»* [1].

10 июня по предложению В. И. Ленина ЦК партии вынес решение: «Ввиду необходимости усилить контроль за военспецами на Петрофронте, поручить Оргбюро выделить несколько товарищей, способных к этой работе, в Особый отдел ВЧК» [2].

В эти июньские дни 1919 года в Петроград выехали ряд ответственных работников ВЧК, в том числе и М. С. Кедров с группой сотрудников Особого отдела (В. Д. Фельдман, И. Ф. Тубала, Б. М. Кедров и др.) и небольшим отрядом латышских стрелков. Основная задача кедровской группы состояла в ликвидации контрреволюционного подполья и его связей с иностранными миссиями. В распоряжение М. С. Кедрова были предоставлены все силы и возможности Петроградской ЧК.

Пользуясь международным правом экстерриториальности, иностранные посольства и миссии превратили свои помещения в убежища, в места явок и снабжения оружием, продовольствием врагов Советской власти всех мастей и оттенков.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38, стр. 399.

[2] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 821с, лл. 106—110.

По плану, разработанному под руководством Кедрова, оперативные группы чекистов должны были одновременно занять все без исключения иностранные миссии и посольства, находившиеся в Петрограде. План был осуществлен молниеносно и бесшумно. Внешне миссии и посольства сохраняли свой обычный вид, хотя на протяжении нескольких суток там находились чекисты.

В зданиях иностранных посольств и консульств нашли много боевого оружия, а в доме румынского посольства чекисты обнаружили даже пушку.

Кедров лично участвовал в организации отдельных засад и присутствовал на последующих допросах арестованных.

О значимости, своевременности и результатах этой операции можно судить по официальным документам, опубликованным в советской прессе и в отдельных сборниках.

Так, РОСТА 16 июня 1919 года опубликовало сообщение об обнаружении тайников в иностранных посольствах:

«Произведенные на днях обыски в иностранных посольствах и консульствах дали в некоторых случаях любопытные результаты.

В одном из шкафов для бумаг за полками секретно запрятана бронированная дверь потайной стальной комнаты. Таких комнат две. В одной хранился весь секретный политический архив, в другой — ящики, сундуки, чемоданы с золотом, драгоценностями и просто бумагами. На ярлыках и наклейках мелькают всем так знакомые фамилии князей, графов, маркизов и прочей придворной и великосветской челяди. Даже один из Владимировичей, бывший великий князь, спрятал в ящик свои драгоценности. Одних зо-

лотых портсигаров здесь 73 штуки, целая коллекция драгоценных безделушек, всего, по приблизительному и скромному подсчету, миллионов на 120.

Целая серия стальных ящиков с 13 млн. руб., которые крупные русские акционерные общества собирались, но не успели переправить в Париж. Все это тут же запечатывается и отправляется под охраной для сдачи в народный банк.

В одном из подвалов здания найден запас ручных гранат и осветительных сигнальных ракет. В другой комнате — целый ящик, очевидно, последней получки, с отпечатанными списками лиц всех стран и национальностей, «подозрительных с точки зрения международного империализма».

Большинство лиц, живущих в помещении,— русские и никакого отношения к иностранным державам не имеющие. Роль этих забронировавшихся на территории иностранного посольства лиц выясняется» [1].

«Посольская» операция вновь, как и на Севере, показала силу, оперативную сметку и решительность действий руководимой М. С. Кедровым группы чекистов, сотрудников Особого отдела.

К июню 1919 года в ряде северных городов (Вологда, Котлас, Великий Устюг) сложилась опасная ситуация. Сотни, тысячи врагов Советской власти (бывшие офицеры, эсеры, меньшевики) устремились из Центра России через эти города в Архангельск, на соединение с интервентами. В ряде стратегически важных прифронтовых районов они пытались организовать антисоветские выступления. Эти обстоятельства вызвали в Москве законную тревогу.

---

[1] «Известия ВЦИК», 1919, 18 июня. Сб. докум. «Из истории ВЧК». М., 1958, стр. 296.

Возвратившись из Петрограда в Москву, Михаил Сергеевич немедленно выехал с группой сотрудников на Север.

В день прибытия кедровского поезда в Великий Устюг в городе был собран партийный актив, на котором Кедров изложил план срочных мероприятий по раскрытию и ликвидации всех очагов контрреволюции.

Четко организованная облава в городах и селах прифронтовой зоны позволила захватить сотни переодетых в крестьянскую одежду офицеров. В мужском Михайло-Архангельском и женских Троицком, Иваново-Предтеченском и Янковском монастырях было задержано много скрывавшихся белогвардейцев и изъято много боевого оружия вплоть до станковых пулеметов [1]. Основные пути и каналы, по которым белогвардейцы переправлялись через линию фронта, были ликвидированы. Кедров выехал в Москву.

В июле 1919 года начался новый поход контрреволюции против молодой Республики Советов. На этот раз враги делали ставку на генерала Деникина.

В соответствии с решением Пленума ЦК партии В. И. Ленин написал письмо от ЦК РКП(б) к организациям партии, которое было опубликовано 9 июля под заголовком «Все на борьбу с Деникиным!». В письме говорилось:

«...Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции...

---

[1] И. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 65.

...Теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина...

...Советская республика осаждена врагом. Она должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле...

...В... громадной прифронтовой полосе, которая так быстро и так грозно разрослась на Украине и на юге, надо все и вся перевести на военное положение, целиком подчинить всю работу, все усилия, все помыслы войне и только войне. Иначе отразить нашествие Деникина нельзя. Это ясно. И это надо ясно понять и целиком провести в жизнь.

...Надо удесятерить бдительность, ибо контрреволюционные поползновения с этой стороны абсолютно неизбежны в настоящий именно момент и в ближайшем будущем» [1].

В числе многих мер по организации борьбы против Деникина на Южный фронт и в его ближайшие тылы был направлен поезд Особого отдела ВЧК. Кедров наделялся чрезвычайными правами как уполномоченный ЦК партии по Южному фронту и Полномочный Представитель ВЧК [2].

Две основные задачи стояли перед М. С. Кедровым: тщательная проверка работы и инструктаж особого отдела Южного фронта, проверка состояния воинских частей, а также усиление борьбы с контрреволюцией в ближайшем тылу советских войск. Об

---

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 39, стр. 44—59.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 4.

[о]том поезде Кедрова упоминает доктор исторических наук П. Г. Софинов:

«Много внимания уделялось ВЧК районам, которым непосредственно угрожало нашествие деникинских армий. В течение июня—августа в районе Воронеж — Курск — Орел курсировал поезд ВЧК, главной задачей которого являлось оказание помощи местным чрезвычайным комиссиям»[1].

В июле поезд Кедрова побывал в Козлове, Тамбове, Курске и повсюду — как результат тщательной проверки и оперативности действий — сотни задержанных подозрительных лиц.

В конце июля 1919 года «поезд Кедрова» появляется в ряде городов Западного фронта. Уполномоченный ЦК партии и Полномочный представитель ВЧК по Западному фронту М. С. Кедров посещает Смоленск, Могилев, Оршу и Гомель. При помощи местных партийных и советских организаций обеспечивает подавление контрреволюционного подполья, проверяет и помогает организовать оборонительные работы.

Дольше, чем в других городах, задерживается в Гомеле. Район Гомеля находился на стыке Западного и Южного фронтов, что вызвало необходимость в создании Укрепленного района. В автобиографии М. С. Кедрова записано: «В августе после падения Киева — председатель Реввоенсовета Гомельского Укрепленного Района»[2].

В сентябре 1919 года Кедров возвратился в Москву и тут же по заданию Ф. Э. Дзержинского немедленно выехал в Тамбовскую губернию. В этих местах, только что освобожденных от белых банд генерала

[1] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 166.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 4.

Мамонтова, продолжали действовать многочисленные бандитские шайки. Группа М. С. Кедрова организовала работу по ликвидации отдельных банд. В Москву М. С. Кедров вернулся в конце октября.

Глубокой осенью 1919 г. стало очевидным, что на страну надвигается новая беда — небывалая по своему размаху эпидемия сыпного тифа. Со всей серьезностью задача организации борьбы с сыпным тифом была поставлена на VIII Всероссийской конференции РКП(б). В политическом докладе ЦК 2 декабря 1919 г. В. И. Ленин определил как основные задачи текущего момента борьбу за хлеб и топливо и перешел к вопросу о возможных последствиях эпидемии сыпного тифа. Он говорил:

«Третья наша задача есть борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст возможности справиться ни с каким социалистическим строительством» [1].

Через три дня в докладе на VII Всероссийском съезде Советов, касаясь главных вопросов, В. И. Ленин сказал:

«...Прежде всего это — *вопрос о продовольствии вопрос о хлебе.*

...за вопросом о хлебе идет второй *вопрос — о топливе.*

...И третий бич на нас еще надвигается — *вошь, сыпной тиф,* который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, стр. 359.

оисходит в местах, пораженных сыпным тифом, ко-а население обессилено, ослаблено, нет материаль-ix средств,— всякая жизнь, всякая общественность чезает. Тут мы говорим: «Товарищи, все внимание эму вопросу»[1].

Вопрос об улучшении санитарного состояния Республики, об организации борьбы с эпидемиями вызывал самую серьезную озабоченность ЦК партии и Совета Рабоче-Крестьянской обороны.

Было ясно, что Наркомздрав, не имевший мобильного, дисциплинированного рабочего аппарата, не сможет справиться с поистине грандиозным объемом санитарных работ, требовавших предельной четкости и оперативности.

Тогда было решено привлечь к этому ВЧК, сотрудники которой всегда выполняли самые трудные задания партии.

Первые конкретные мероприятия относятся к началу ноября. М. С. Кедров так описывает первые действия:

«Канун октября. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.

Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня:

— Вот хорошо, что приехали...— радостно сказал он. Речь его торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала и захватывала собеседника.

— Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, стр. 407, 409, 410.

состояния республики... На днях должен выйти соответствующий декрет... Вот, познакомьтесь с материалами, — Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листков и передал их мне.

— ...и скажите Ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить образуемую комиссию Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа по вашему духу.

Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен...» [1]

Ф. Э. Дзержинский подписал 15 ноября 1919 года приказ всем местным органам ВЧК, в котором говорилось: «Ввиду широко развивающейся эпидемии сыпного тифа и других болезней, одной из главнейших задач губчека, РТЧК и УТЧК должна быть борьба с разрухой в санитарном отношении...» [2]

В таких условиях М. С. Кедров приступил к выполнению очередного задания партии. В его записях есть следующие строки:

«1919 г. С ноября месяца Председатель Чрезвычайной Комиссии по улучшению санитарного состояния Республики при СТО. Борьба с сыпным тифом на востоке РСФСР и в Сибири (при освобождении края от Колчака).

---

[1] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 61.

[2] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 192.

1920 г. Продолжение борьбы с сыпным тифом на Украине и юго-востоке (ликвидация Деникинского фронта)»[1].

Кедров участвует в подготовке декрета о санитарных мероприятиях, проводит дни «санитарии» и «топива», организует массовый пошив белья, строительство бань, оборудование дезинфекционных камер. Из числа сотрудников ВЧК создается институт уполномоченных по санитарному делу и специальная разъездная санитарная комиссия.

«Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией,— писал Кедров,— велась в ударном порядке и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынужденной превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича»[2].

«Поезд Кедрова» побывал в Сибири, на Урале, на Волге, на Украине. И везде — мобилизация медицинского персонала на борьбу с сыпным тифом, выявление спрятанных запасов медикаментов, организация профилактики, расширение и благоустройство сети лечебных учреждений, распределение и трудоустройство выздоравливающих.

Только комплекс всех действий кедровской комиссии помог поставить непреодолимый барьер на пути эпидемии сыпного тифа, рвавшейся с востока и Украины к центральным губерниям России.

И только в начале 1920 года, когда угроза распространения эпидемии на всю страну была ликвидирована, М. С. Кедров выехал в Москву.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 4.

[2] «Пролетарская революция», № 1(60), 1927, стр. 63.

Высокую оценку деятельности Кедрова по борьбе с сыпным тифом дал Ф. Э. Дзержинский. «Вот, например, как инструктировал Феликс Эдмундович в присутствии Менжинского и Кедрова чекиста С. П. Кораблева перед отъездом его в Симбирск (ныне Ульяновск):

— Вы назначены начальником особого отдела, будете вылавливать шпионов, белогвардейских агентов. Но помните также о тифе. Госпитали в Симбирске забиты не только ранеными, но и больными тифом... Берите пример с товарища Кедрова. Он образцово организовал помощь медицинскому персоналу, снабжение медикаментами, лично занимался профилактикой против сыпняка во многих районах страны»[1].

...Пребывание М. С. Кедрова в центральном аппарате ВЧК исчисляется лишь месяцами. На протяжении нескольких лет он находился в постоянных разъездах, выполняя задания ЦК партии, В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского. Несмотря на это, Кедров длительное время оставался членом коллегии ВЧК.

...В апреле 1920 года М. С. Кедров назначается Полномочным представителем ВЧК по Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниям. В «Кратких хронологических данных» им записано: «...Член колл. НКВД... полпред Главкомтруд, Упол. ВСНХ Главода.— Один из организаторов Арханг. РКИ— Член Архангельского Губкома»[2].

---

[1] Н. Зубов. Ф. Э. Дзержинский. М., 1965, стр. 220.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 5.

Штаб-квартира Кедрова разместилась в Архангельске на Троицком проспекте (ныне пр. Павлина Виноградова), в доме № 114. Наряду с задачей очистить Архангельск от антисоветских элементов, Кедрову предстояло решить вопросы строительства советских органов и укрепления архангельской партийной организации.

Документы того времени показывают, насколько широко привлекал Кедров коммунистов Архангельска к борьбе с последствиями интервенции, к работе по ликвидации уцелевших очагов контрреволюции.

С 18 по 20 апреля 1920 года «...в Архангельске были произведены повальные обыски, в которых принимали участие все коммунисты, а также красноармейские части, общей численностью свыше трех тысяч пятисот человек... Было указано, что главная цель обысков борьба с контрреволюцией»[1].

25 апреля 1920 года М. С. Кедров выступил в газете «Известия Архгубисполкома» со статьей «О массовых обысках»[2]. В этой статье он как бы отчитался перед населением о результатах обысков, о мерах, принятых к тем, кто допустил нарушения революционной законности при обысках. Он писал:

> «С самого начала следует отметить ту самоотверженность, которую проявили коммунисты, рабочие и красноармейцы при выполнении возложенных на них задач. Первый опыт дает право надеяться, что в дальнейшем товарищи и рабочие справятся с еще более трудной работой, сто-

---

[1] «Известия Архгубисполкома», 1920, 25 апреля.
[2] Там же.

ящей на очереди,— борьбой с разрухой и налаживанием Советского аппарата»[1].

Михаил Сергеевич Кедров активно участвует в обсуждении и принятии важных решений по нормализации жизни на Севере.

...После разгрома интервентов и белогвардейцев всему миру стали известны факты бесчеловечного обращения с заключенными на «островах смерти» Иоканьге и Мудьюге. Летом 1920 года в эти места прибыла специальная комиссия во главе с М. С. Кедровым, которой удалось обнаружить ряд документов, изобличающих интервентов и белогвардейцев в совершенных ими злодеяниях.

В июне 1920 года на первой, после освобождения Архангельска, губернской партийной конференции М. С. Кедров был избран в состав малого президиума Губкома партии[2].

С осени 1920 года по март 1921 года М. С. Кедров — Уполномоченный ВЧК по ликвидации неграмотности в Тверской губернии (Тверь, Торжок)[3]. В это же время, возглавляя «комиссию по изучению трудовых процессов при Психоневрологическом институте в Москве»[4], он занимается проблемой выбора профессии молодежью.

Не прекращая работы в ОГПУ, Кедров организует специальную научную лабораторию по выбору профессии, к работе в которой привлекает известного психолога профессора Кекчеева.

---

[1] «Известия Архгубисполкома», 1920, 25 апреля.
[2] ГААО, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 5.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 5.
[4] Там же.

Весной 1921 года начинается новый этап в деятельности Кедрова. В марте его назначили Уполномоченным СТО по рыбным промыслам Южного Каспия, ППВЧК — по Касп. морю[1]. Он был также членом Бакинского совета — Председателем «Бюро содействия Нефтяной промышленности, Транспорту и Красной Армии».

...В Баку М. С. Кедров за короткое время побывал на всех рыбных промыслах Южного Каспия, изучая возможности каждого из них. Им же были сделаны первые шаги в организации централизованного управления рыбными промыслами. В одном из рейсов на шхуне «Дзержинский» (до Кедрова она называлась «Пир Алаги») он посетил порт Энзели и выезжал в ряд других городов Персии для установления торговых связей, для выявления возможности закупки риса.

Когда в Баку в связи с голодом в Поволжье стали прибывать большие группы беженцев, М. С. Кедров и его сотрудники возглавили организацию помощи продовольствием и одеждой, приняли все меры для подавления вспышек сыпного тифа, проявили особую заботу о детях Поволжья.

Находясь в Баку, М. С. Кедров часто встречался по работе с С. М. Кировым, Г. К. Орджоникидзе, Н. Нариманов и начальником Азнефти А. П. Серебровским. В поисках путей скорейшего восстановления нефтяных промыслов М. С. Кедров решил создать «Бюро содействия Нефтяной промышленности, Транспорту и Красной Армии».

---

1 ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 5.

Как Полномочный представитель ОГПУ М. С. Кедров обследовал работу азербайджанских чекистов, знакомился с работой чекистов Грузии.

Примерно через год Кедрову пришлось переехать в Астрахань. Суда речного флота Нижней Волги и Каспийского морского пароходства требовали серьезного ремонта. Необходимо было правильно организовать эксплуатацию торгового флота, а также решить вопрос об организации бесперебойного снабжения речных и морских судов жидким топливом, имевшимся в большом количестве в нефтехранилищах Гурьева. В поле деятельности М. С. Кедрова оказались и рыбные промыслы Нижней Волги. В 1922 году М. Кедров — Председатель «Бюро содействия Транспорту» (в Астрахани)» [1]. Как и в Баку, организуя это «Бюро», М. С. Кедров умело привлекал к решению узловых проблем все заинтересованные организации и учреждения, добиваясь положительных результатов.

В конце 1922 года М. С. Кедров выехал в Москву за новыми заданиями, с новыми предложениями о своей дальнейшей работе.

Внимание Кедрова привлекали вопросы хозяйственного развития Крайнего Севера и, в частности, Печорского края. Лесные богатства, рыбный промысел, разведка полезных ископаемых добыча пушнины при правильной организации могли внести большой вклад в дело развития народного хозяйства страны. Большие трудности возникали здесь из-за отдаленности края и ограниченных путей и средств сообщения. Словом, Печорский край надо было вызвать к жизни, приобщить его к участию в решении хозяйственных задач общенародного значения.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 5.

М. С. Кедров в Усть-Цильме, 1923 год.

Зимой 1923 года Кедров выезжает на Печору.

Поселившись в Усть-Цильме, он принимает активное участие не только в налаживании хозяйства края, но и в организации культурной жизни на Печоре. Совместно с укомом партии (Я. Н. Набатов, М. Г. Маккавеев) М. С. Кедров организовал выпуск газеты «Печорская правда». Секретарь укома Я. Н. Набатов вспоминает: «... Для обеспечения материальной стороны выпуска очень много помог М. С. Кедров. Он отпустил нам ножную типографскую машину «Бостонка» и отпустил бумаги, обеспечивающей выпуск газеты на полгода. Первый номер был весь написан на-

ми, т. е. мной, Кедровым и Пластининой. Корректором была Пластинина, и нами же проводилась верстка газеты» [1].

В июне 1923 года на Пленуме Печорского укома партии М. С. Кедров говорил:

«Главная задача образовавшейся в Москве комиссии — оживить Печорский край. Задача эта весьма трудная при отсутствии путей сообщения, в особенности зимой. Первая и главная задача — это прорубить окно из Печоры для связи водных путей с Россией. Здесь уже давно работали группы, проектирующие связь Печоры с Архангельском через Индигу.

Мне было поручено устройство порта по Индиге для связей с Архангельском и заграницей... Чтобы оживить Печорский край, потребуются большие средства...» [2].

Немало сил потратил М. С. Кедров на то, чтобы пушнина поступала в государственные организации («Госторг», «Северопушнина»), минуя руки субагентов, основные кадры которых состояли из местных кулаков-торговцев. Эти субагенты-кулаки с давних лет при помощи спиртных напитков держали ненцев-охотников в постоянной зависимости.

В 1923 году Печорский уком партии провел Первый съезд Советов самоедов (ненцев) большой и малой тундры. Я. Н. Набатов вспоминает, что «...было принято решение съезда, которое ликвидировало всю старую задолженность самоедов местным кулакам... Все заготовители были предупреждены в том, что если

---

[1] Воспоминания хранятся в личном архиве Я. Н. Набатова.

[2] П. В. Викторов. Подпольщик... Воин... Чекист. М., 1963, стр. 74.

они будут получать пушнину и оленьи шкуры в счет старых долгов, то они понесут за это суровую кару...»[1]

Многое было сделано комиссией Кедрова и по налаживанию работы Печорского речного пароходства.

Связь с Печорой Кедров не терял и после отъезда в Москву. Так, в марте 1924 года он прислал на имя укома партии библиотечку политической литературы.

...В октябре 1923 года М. С. Кедров переехал в Москву на постоянное местожительство. С осени он возглавил «Снабтранс».

В течение нескольких лет М. С. Кедров работал вместе с Ф. Э. Дзержинским (ВЧК, Наркомвнудел, Наркомпуть, ВСНХ). Годы совместной работы М. С. Кедрова с Ф. Э. Дзержинским крепко связывали их. Они привыкли понимать друг друга с полуслова. С одинаковым энтузиазмом и волей брались за выполнение любого задания партии.

...Прошло три года с тех пор, как была введена Новая экономическая политика. В трудных условиях создавались социалистическая промышленность, сельское хозяйство, восстанавливалась нормальная работа транспорта. Заметно возрос товарооборот, значительное участие в котором принимал частный посредник.

В мае 1924 года по инициативе ВСНХ и НКПС было организовано первое в истории народного хозяйства страны Акционерное общество по обслуживанию Госпромышленности и транспорта (АПТО). Председателем Оргбюро назначили М. С. Кедрова. Перед этим Кедров сумел примерно за полгода наладить работу двух таких организаций, как «Снабтранс» (НКПС) и

---

[1] Воспоминания хранятся в личном архиве Я. Н. Набатова.

«Госпосредник» (ВСНХ). Пользуясь безотказной поддержкой со стороны Дзержинского, Кедров развернул большую работу как по созданию центрального аппарата АПТО, так и по организации его филиалов в крупнейших промышленных центрах страны.

Деятельность М. С. Кедрова в АПТО вписывает еще одну интересную страницу в деловую биографию старого большевика и большого государственного деятеля, постоянно стремившегося работать на трудней ших участках социалистического строительства.

В понедельник 23 июня 1924 года в Москве вышел первый номер новой газеты, ставшей печатным органом АПТО. По предложению ее редактора М. С. Кедрова, для названия газеты был взят ленинский лозунг «Кто кого?», который как нельзя лучше выражал всю направленность работы, определял политические и деловые устремления руководства АПТО и его печатного органа.

АПТО, руководимое М. С. Кедровым на протяжении двух лет, сделало многое для укрепления положения на транспорте и в промышленности.

Последующие два года М. С. Кедров занимался вопросами улучшения состояния основных курортов страны, работал в прокуратуре Верховного Суда СССР.

В 1928 году он возглавлял Оргкомитет Всемирной спартакиады в Москве, а затем руководил Президиумом Красного спортивного интернационала (КСИ). Интересна определенная закономерность: у руководства всевобучем и спортивным движением партия всегда ставила работников «Военки». Так, после Н. И. Подвойского и К. А. Механошина, за организацию массового спортивного движения взялся М. С. Кедров.

М. С. Кедров, 30-е годы.

На протяжении четырех лет (1928—1932) он выступал не только как коммунист-организатор международного рабочего спортивного движения, но и как теоретик.

И в наше время представляют значительный интерес монографии М. С. Кедрова по проблемам теории и практики международного рабочего спортивного движения и по вопросам воспитательной работы среди физкультурников.

Определяя задачи, цели и роль физической культуры, М. С. Кедров писал:

«Основа ее, как известно, заключается в физическом оздоровлении трудящихся масс, в оздоровлении их быта, в укреплении их классового сознанья, солидарности, в выработке определенных качеств, необходимых для строительства социализма, для обороны пролетарского государства. Из многочисленных средств, ведущих к достижению указанной цели, спорт занял в последние годы господствующее положение. Он, можно без преувеличения сказать, заслонил собой другие средства физкультуры» [1].

С 1932 года М. С. Кедров работает членом президиума Госплана РСФСР, возглавляя сектор обороны, а затем и отдел науки и техники Госплана. В эти же годы Кедров под руководством Н. Н. Бурденко изучает способы борьбы со злокачественными опухолями, работает над решением проблемы ранней диагностики раковых опухолей.

Михаил Сергеевич оставил после себя богатое историко-литературное наследство. Основные работы его были написаны в 1926—1932 годах.

Как и большинство профессиональных революционеров, он не имел специального исторического образования и подготовки, однако как крупные монографии, так и брошюры и очерки, принадлежавшие его перу, говорят о нем как об историке-большевике, оставившем заметный след в советской историографии Октябрьской революции и гражданской войны на Севере.

---

[1] «Теория и практика физической культуры». № 6, 1929.

Особая ценность этих трудов в их полной достоверности, так как Кедров сам был очевидцем и участником описываемых им исторических событий.

Первой крупной работой М. С. Кедрова как историка была книга «За Советский Север». Историко-мемуарный характер ее определялся самим автором в строках, предпосланных «Вместо предисловия»: «Задача, которую себе поставил, заключается в собрании и простом бесхитростном изложении по возможности всех, заслуживающих внимания, фактов первого периода гражданской войны в Архангельском крае... » .

Следует отметить постоянное стремление М. С. Кедрова к объективности и исторической достоверности в изложении не только основных событий и фактов, но и отдельных эпизодов и обстоятельств второстепенного порядка. Мне довелось быть очевидцем и невольным участником встреч Михаила Сергеевича с архангельцами — активными участниками гражданской войны на Севере: С. К. Поповым, М. С. Нововым, Э. Я. Гуровичем, А. А. Самойло, А. И. Геккером, П. П. Стрелковым, Р. А. Кедровой-Пластининой, И. В. Боговым, В. Г. Боговым, Н. Н. Кузьминым, Я. Н. Набатовым и многими другими. Начало этим встречам было положено в 1924 году. На них читались и обсуждались некоторые главы из рукописей новых книг Кедрова — выяснялись отдельные обстоятельства, уточнялись факты.

Так, книга воспоминаний «За Советский Север» написана в широком историческом плане. В ней рассказывается о том, как проводились в жизнь указания и директивы В. И. Ленина и Советского правительства по укреплению Советской власти в Архангельске.

Соотношение противоборствующих политических сил на Севере, организация Северного фронта для

Группа активных участников борьбы за Советский Север Е. Д. Стасовой. Слева направо: сидят — Р. А. Кедрова-Пластинина, Е. Д. Стасова, В. И. Суздальцева; стоят — Э. Я. Гурович, М. С. Кедров, А. В. Эйдук, С. К. Попов.

борьбы против интервентов и белогвардейцев, разгром контрреволюционного подполья в тылу — все эти вопросы нашли глубокое освещение в этой книге.

Кедров писал, что только выяснение и анализ всей суммы этих вопросов делает понятным, «почему... великолепно задуманный империалистический план занятия Вологды и свержения Советской власти

: наиболее уязвимой стороны потерпел полное фиа-:ко»[1].

В период своего пребывания в Архангельске и Вологде М. С. Кедрову приходилось встречаться с иностранными дипломатами. В своей книге он дал им уничтожающую характеристику, основанную на разборе письма американского посла Д. Р. Френсиса. Кедров писал: «Никогда, кажется, ни один дипломат с такой безжалостностью к себе не клеймил собственное убожество, не разоблачал перед всем миром свое бесстыдное лицемерие и непроходимую глупость»[2].

Захват Архангельска и начавшееся наступление интервентов вызвали ряд трудностей, которые надо было немедленно разрешить. Об этом периоде М. С. Кедров писал:

«Создавалось трудное положение. Без назначения, без установленных границ фронта, без штаба и соответствующего аппарата, без военных знаний приходилось брать командование. Затребованные из центра подкрепления, боевое снаряжение, продовольствие не доставлялись, а если что и приходило, то в самом плачевном состоянии.

Наметил план перенести базу в Вологду, использовать для штаба фронта аппарат Беломорского округа, несколько дней назад эвакуированного из Архангельска, предупредить в Вологде восстание, на возможность которого указывали многочисленные сведения, получаемые нами из различных источников.

...Все чаще и чаще являлась мысль ехать немедля в Москву к Ильичу»[3].

---

[1] М. С. Кедров. За Советский Север. Л., 1927, стр. 1.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 144.

С особенной теплотой М. С. Кедров в ряде глав книги «За Советский Север» описывает свои встречи с В. И. Лениным.

Безграничной любовью к Ильичу, великой верой в торжество его идей, в победу коммунизма звучат заключительные страницы книги, связанные с периодом выздоровления Владимира Ильича после злодейских выстрелов Каплан. Кедров писал: «Он и раненый оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в Донских степях, и в Кавказских горах, и в архангельской тундре, и в сибирской тайге, через пески и дебри, через огонь и воду вел красные полки к верной и славной победе.

И даже смерть в бессилии отступила перед гением Ильича... Он продолжает учить, руководить и собирать вокруг себя все новых и новых бойцов. И наступит момент, когда великий вождь поведет миллионную рать пролетариев и угнетенных народов на последний штурм мирового капитализма»[1].

Огромное значение для нас имеют его воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Одна из его работ называется «Из красной тетради об Ильиче».

Многие советские историки 50—60-х годов в своих исследованиях широко используют воспоминания М. С. Кедрова, восполняя их документами, которые в свое время не удалось разыскать и привести автору монографии «За Советский Север». Отрывки из книги М. С. Кедрова напечатаны во многих сборниках.

Книга воспоминаний «За Советский Север», посвященная первому периоду интервенции и гражданской войны, свидетельствует о том, что М. С. Кедров был не только крупным партийным и государственным деятелем, но и одним из первых историков 20-х годов.

[1] М. С. Кедров. За Советский Север. Л., 1927, стр. 185.

Если книга «За Советский Север» написана в историко-мемуарном плане, то вторая монография М. С. Кедрова «Без большевистского руководства»[1] — это пример глубокого исторического исследования.

Главная цель, которую ставил перед собой Кедров при написании этой работы, — раскрыть историю подготовки и начала «союзнической» интервенции на Мурмане в ее развитии, в ее прямой связи с предательством мурманских руководителей; показать пагубную роль указаний и действий Троцкого и его подручных.

Как писал сам автор, он стремился осветить «как шаг за шагом изживались» демократические «иллюзии» и «доверие к «союзникам», как росла политическая сознательность, активность, революционность масс»[2].

В монографии «Без большевистского руководства» М. С. Кедров выступает не просто как объективный летописец, а как представитель ленинской школы историков, положивший начало детальному исследованию истории интервенции на Мурмане.

В начале 30-х годов на нескольких иностранных языках вышли книги М. С. Кедрова, в которых он осветил богатый опыт ленинской партии в организации нелегальной работы, создании подпольных типографий, подготовке боевых дружин. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина находятся уникальные книги Кедрова на французском и румынском языках.

...Михаил Сергеевич Кедров трагически погиб в 1941 году.

---

[1] М. С. Кедров. Без большевистского руководства. Л., 1930.
[2] Там же, стр. 7.

До последней минуты своей жизни он оставался верным коммунистом-ленинцем. В дни, когда страна отмечала 60-летие II съезда партии, несколько улиц одного из новых районов Москвы были названы именами старейших большевиков-ленинцев. Так, рядом с улицами Дмитрия Ульянова и Петра Красикова появилась улица имени Михаила Кедрова. Есть такие улицы с памятными табличками в Архангельске и Вологде. Северяне помнят и чтят имя Михаила Сергеевича Кедрова — ученика и соратника В. И. Ленина.

Владимир Никандрович Пластинин

КОММУНИСТ КЕДРОВ

Редактор **В. Н. Леснова.**
Художественный редактор **В. С. Вежливцев.**
Корректор **М. М. Михайлова.**

Сдано в набор 10/IV 1969 г. Подписано в печать 20/VI 1969 г.
Форм. бум. 70 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 4,9.
Уч.-изд. л. 4,486. Тираж 5000. Сл 00176. Заказ № 1526. Цена 11 коп.

Северо-Западное книжное издательство.
г. Архангельск, пр. П Виноградова, 76.

Типография им. Склепина.
г. Архангельск, Набережная им. В. И. Ленина, 86.